

ФОНД А.

КОНТОРЩИЦА

К Н И Г А

2

Фонд А.

Конторщица-2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69298960

SelfPub; 2023

Аннотация

Попаданка во времена брежневского застоя месяц спустя. Лидия Горшкова адаптировалась к производственной жизни депо «Монорельс», заполучила первые активы и даже набросала стратегию личного развития. Так, может, пора бы уже разобраться с ячейкой общества и переходить к строительству коммунизма? А тут еще и Олимпиада.

Содержание

Из-за чего все и началось...	4
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	44
Глава 5	54
Глава 6	64
Глава 7	74
Глава 8	84
Глава 9	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Фонд А.

Конторщица-2

Из-за чего все и началось...

Я глянула по сторонам, не видит ли кто, и перепрыгнула черную жирную лужу, правда едва не уронив папку с актами. Как хорошо, что я послушалась Римму Марковну и приобрела обычные туфли фабрики «Скороход». С виду фу, зато не жалко. Тем более ремонтный цех находился в самом конце депо, пока дойдешь – сто раз в мазут вляпаешься.

Иваныча я нашла быстро, помахала ему листком, дождалась, пока он вытер руки куском ветоши, и ткнула, куда ставить подпись, – огромный агрегат издавал такой лязг, что не было слышно почти ничего. Теперь осталось найти Севу и мой цеховой вояж на сегодня окончен.

В коридоре конторы, возле бухгалтерии, притормозила – на стенде вывесили свежий номер нашей газеты. На последней странице заметка о шампунях для волос была сокращена на два предложения, зато хоть фото улыбающейся модели с густой копной локонов вставили, как я и советовала. Я вчиталась в свой текст – ну, ничего страшного, убрали лишь названия шампуней, а так вроде все осталось без изменений...

От чтения меня отвлек Василий Егоров: я не расписалась

в журнале по охране труда, и он напоминал мне уже второй раз. Но я опять отмахнулась – было некогда, да и устала я что-то – легла спать в три ночи, ведь сейчас активно готовлюсь поступать в институт, приходится историю учить заново, в духе настоящего времени, вспоминать математику, да и в русском языке за сорок лет кое-что изменилось. Поэтому днем работаю, а по вечерам штудирую учебники, и это «по вечерам» частенько растягивается за полночь.

Глянула на часы и побежала наверх. Возле кабинета с номером 21 витало облачко импортных духов «Опиум», резко диссонировав с впитавшимися в мою одежду запахами жженой резины и едкой гари. За стеной разговаривали. По голосам, вроде Иван Аркадьевич и Аллочка.

Я улыбнулась и вошла в кабинет – запах «Опиума» усилился.

– ...подразделения... – сказал Иван Аркадьевич Аллочке и кивнул на высокую эффектную брюнетку, которая стрельнула умело подведенными глазами в его сторону, сделала плавное движение, обозначающее то ли полупоклон, то ли разновидность книксена, но как бы то ни было, а ее внушительная грудь при этом колыхнулась и чуть не выпрыгнула из декольте.

Дверь кабинета закрылась и все обернулись на меня.

– А вот и Лидия Степановна! Лида, знакомься. Это – Машенька, – благодушно произнес Иван Аркадьевич. – Будет нам теперь помогать...

Глава 1

– Ватрушку еще бери! – Римма Марковна подтолкнула ко мне тарелку с источающей ванильные ароматы сдобой и долила чаю. – Совсем ты похудела, Лида.

– Так это же хорошо, – ответила я, жуя творожную ватрушку вежливо, через силу.

– Ну, не скажи, – покачала головой соседка, – женщина должна быть в теле, манить, а не костями греметь.

«Угу, видела бы ты моделей и фитоняшек в моем времени», – поморщилась я, с досадой посмотрела на недоеденную ватрушку и отложила в сторону.

– Что ты думаешь делать с Валерием? – без обиняков спросила Римма Марковна.

Вот за что уважаю эту женщину, так это за прямолинейность. После того, как она сперва угодила в богадельню, а затем поселилась у меня, Римма Марковна категорически изменилась: исчезла привычка носить старый изношенный халат поверх нового, пить чай из щербатой чашки (откуда-то она притарабанила прибалтийский фарфоровый сервиз и теперь каждый вечер у нас четко соблюдалась чайная церемония), и даже сигареты стала курить не как раньше обычный «Полет», а «Полет» исключительно какой-то дукатовский (мне без разницы, но вот Римма Марковна утверждала, что именно этот – самый лучший). Но главное, Римма Мар-

ковна взяла идеологическое шефство над всеми соседками в нашем подъезде и заодно – надо мной.

– Так что с Горшковым? – повторила она.

– Я уже два раза пыталась с ним встретиться, – развела руками я, – прячется, гад.

– И? – не унималась Римма Марковна.

– Что-что, – нахмурилась я, – надо искать еще раз. Не смогу договориться – буду решать кардинально.

– Как это?

– Убью его, – снисходительно улыбнулась я и отхлебнула чай.

– Ты не шути так! – нахмурилась Римма Марковна. – Я же серьезно спрашиваю, а ты дурачишься.

– И я серьезно, – но невольно рот сам растянулся до ушей. – Римма Марковна, я знаю тридцать один способ убийства без следов. Никакая милиция не найдет. Вот слушайте: способ первый – можно подсеять у них на даче цикуту в петрушку. Соотношение семян цикуты и петрушки должно быть...

– Прекрати! – строго перебила меня Римма Марковна, но не выдержала, рассмеялась.

– Хотя есть вероятность, что заодно и Элеонора Рудольфовна умрет, очень уж она петрушку в салатах любит, – кроважно продолжила я, – а чтобы милиция ничего не заподозрила, нужно цикуту еще и по обочинам в сорняках по всей деревне подсеять, типа ареал обитания у нее там такой. Вто-

рой способ – поставить в горшковской комнате в вазу большой букет полевых цветов с аконитом, но там, главное, самую начальную стадию цветения надо захватить, и до утра Горшков если и не умрет, то жить будет мало и тяжело. Ключ от комнаты на Механизаторов я знаю, где лежит. Хотя нет, нужно же наверняка. Значит тогда по-другому, делаю огромный букет всяких колокольчиков-дельфиниумов вперемешку с аконитом, приглашаю Горшкова на свидание, мы гуляем по городу, при этом я буду постоянно нагибаться, вроде как поправлять ремешок на туфле, а букет отдам нести ему. У него привычка в волнении грызть ногти, поэтому, к примеру, пообещаю приписать его в эту квартиру при каком-нибудь совершенно дурацком условии. Или же скажу, что узнала, как он в карты на деньги играет и планирую сообщить Элеоноре Рудольфовне. Часовая прогулка, он держит мой букет, волнуется, грызет ногти, потом вернется домой, и утром я – вдова. Главное, не забыть букет забрать.

– У тебя нет туфель с ремешками, – проямлила явно впечатленная Римма Марковна.

– Придется, значит, купить, – согласилась я, – заодно полностью свою коллекцию от фабрики «Скорород».

– Но ты ведь тоже будешь держать букет и, значит, тоже отравишься, – не сдавалась Римма Марковна.

– Ой, делов-то! – легкомысленно отмахнулась я, – можно надеть перчатки, можно взять носовой платок, можно намазать ладони клеем. Слушайте лучше дальше. Итак, способ

третий – разбить штук восемь градусников и аккуратно вытряхнуть ртуть на пол и немного под плинтус, повозить ее веником по всему полу комнаты, чтобы площадь испарения стала максимальной. Про ключ от комнаты я уже говорила. Четвертый способ еще легче – берешь обычный шприц и...

Закончить мне помешал звонок в дверь.

Римма Марковна сидела красная от возмущения и сдерживаемого смеха, пришлось идти открывать мне.

На пороге стоял Иван Тимофеевич. Поздоровавшись, он осторожно поинтересовался, дома ли сейчас Римма Марковна. Получив утвердительный ответ, он вздохнул:

– Понимаете, Лидия Степановна, я хотел с вами обсудить упаковку к мылу, она уже готова.

– Так давайте обсуждать, – согласилась я и радушно добавила. – Проходите, пожалуйста.

– Да нет, – покачал головой сосед и тихо добавил, – давайте лучше поступим таким образом: загляните завтра, часов, скажем, к семи вечера ко мне. На работу. Я покажу отпечатанные образцы, и мы выберем. Хорошо?

Я согласно кивнула.

– Кроме того, в редакцию вам пришло много писем от читательниц, – лукаво улыбнулся Иван Трофимович, – заодно и заберете. Нужно же всем ответить.

Я поблагодарила и пообещала зайти. Иван Трофимович напомнил о сроках сдачи заметки об уходе за лицом в летний период и вдруг замялся:

– И еще... тут такое дело...

– Говорите, – подбодрила соседа я.

– Понимаете, Лидия Степановна, как бы это сказать... не все наши корреспонденты, так сказать, благосклонно отнеслись к вашему творчеству...

– И что? – не поняла я.

– В общем, вам нужно быть готовой к некоторым... эммм... критическим замечаниям с их стороны, – вздохнул Иван Трофимович, отводя глаза.

– Да не беспокойтесь, Иван Трофимович, – рассмеялась я, – никакой критики я не боюсь. Наоборот, мне будет даже полезно услышать мнение коллег по перу.

Мы распрощались, и я вернулась обратно на кухню.

– Кто это приходил? – полюбопытствовала Римма Марковна, перебивая посуду.

– Да Иван Тимофеевич, хочет, чтобы я завтра забрала письма моих читательниц, – решила пока не посвящать старушку в эпопею с мылом я (раз Иван Тимофеевич развел такую таинственность).

– О! Тебе уже приходят письма читателей, Лида, – Римма Марковна развернулась ко мне и ее морщинистое лицо расплылось в мечтательной улыбке, – это же так замечательно... письма, почитатели... эх, а ведь я когда-то тоже писала письма... Александру Вертинскому...

На работе весь день прокрутилась как белка в колесе:

у нас добавлялось еще одно подразделение, хоть и маленькое, но пришлось делать новую штатку. Я стучала по клавишам пишущей машинки с упорством дятла, торопилась сделать всю работу – нужно еще выкроить время и успеть набрать текст заметки в газету. Раз обещала – надо сделать. Но печатать левые тексты на работе все-таки стрёмно: вдруг кто увидит. Нужно запланировать покупку собственной печатной машинки, и то срочно.

За треском от машинки я не расслышала, как открылась дверь. На стол упала тень. Я подняла глаза и сильно удивилась – передо мной стоял Роман Мунтяну. За все время моего пребывания в том кабинете, который он делил с Егоровым, я от него услышала хорошо, если два-три слова. Он всегда был нелюдим и словно существовал в параллельной Вселенной. И тут вдруг сам лично пришел ко мне в кабинет. Интересненько.

– Лида, – сказал Мунтяну и выжидательно уставился на меня.

Я молчала. Решила дать человеку выговориться. Даже если это Мунтяну.

– Завтра, – продолжил Мунтяну, видя, что я ничего не спрашиваю, – мы собираемся. Приходи.

– Когда? Кто? Где? – чуть переиначила классику я, флегматично оттирая испачканные копиркой пальцы.

– Гаражи на Набережной. Знаешь?

Я согласно кивнула.

– Гараж с синей дверью, слева, второй ряд. В восемь, – очень тихо сказал он и, чуть помедлив, добавил. – Не забудь.

– А кто собирается? – меня уже раздражало любопытство, непонятно, куда это он меня приглашает, кто там еще будет, и главное, какой формат встречи – тайное масонское общество? комсомольский субботник? разнузданная оргия (хотя до оргий в этом времени, кажись, еще не дошли)? Благопристойное чаепитие? Или простая дружеская пьянка в гараже?

– Мы, – лаконично ответил Мунтяну и сообщил. – Только ты никому.

Я кивнула.

– Поклянись, – потребовал Мунтяну, внимательно глядя мне в глаза.

– Клянусь, – честно поклялась я и даже зажмурилась от такой своей кристальной честности.

Успокоенный Мунтяну ушел, а я, терзаемая любопытством пополам с сомнениями, вернулась печатать дальше.

Вечером я забежала в типографию. Иван Трофимович встретил меня радушно:

– Проходите, проходите, Лидия Степановна, – он усадил меня в кресло для гостей, угостил чаем и протянул несколько отпечатанных листочков. – Вот образцы. Взгляните.

Я покрутила этикетки, рассматривая. Ну что тут скажешь, все скромненько-банально, великая эра рекламы и маркетинга наступит здесь явно еще не скоро.

– Можно обычно заворачивать, а можно делать коробочки, – пояснил Иван Трофимович. – Что скажете?

– Смотря для каких целей надо, – дипломатично ответила я, возвращая образцы. – Если для массовой продажи – то я вообще смысла не вижу, я уже попробовала продать коллегам, но они хотят дешево, максимум по три рубля. Сами понимаете, возиться с изготовлением такого мыла долго, плюс этикетки печатать. А теперь представьте, если мыло пойдет массово, то цена вообще до рубля упадет, если не ниже. Кроме того, массовое производство потребует много времени, а я и так мало того, что у вас подрабатываю, так еще в институт поступать готовлюсь. Да и опасно. Кто-нибудь обязательно заложит.

– Нет, нет, Лидия Степановна, – замахал руками сосед. – Мыло мне нужно для небольших сувенирных подарков, высоким гостям. У нас постоянно кто-то бывает в городе с визитом. И всех обязательно везут на экскурсию к нам. Дарить все эти ручки-блокноты-календари – мелкогато, согласитесь. А вот такой подарок всем бы понравился. Иностранцев, в основном, возят тоже к нам.

– Тогда это совсем другое дело, – я подняла взгляд на Ивана Трофимовича. – Но здесь надо смотреть: к примеру, для высоких гостей из сферы торговли нужна упаковка в стиле «дорого-богато», для интеллигенции – нечто изысканно-интеллектуальное, для партийных и пропагандистов – в стиле «люблю родные березки и Кудашскую ГЭС». А для ино-

странцев вообще по-другому надо...

– Да-да? – заинтересованно подался вперед Иван Трофимович.

– Этикетки нужны не под арабский стиль, а «а-ля рюс», и писать, что мыло с морошкой, икрой осетра или маслом кедровых орешков. И мыло, соответственно, такое же делать.

– Да что ж это за мыло, если оно рыбой вонять будет? – поморщился Иван Трофимович, – да и дороговато черную икру в мыло добавлять.

– Да там от рыбы только название – пожала я плечами, – психологический ход такой. Икру добавлять никуда не надо, в крайнем случае можно капнуть немного рыбьего жира в основу.

– Но это же обман, – скривился Иван Трофимович.

– В косметологии почти все – обман, – ответила я, – вот вы, к примеру, разницу между земляничным мылом и огуречным хоть раз чувствовали? Если исключить отдушку, то разницы вообще нет.

Иван Трофимович задумчиво кивнул.

– А на этикетке написать, что-то вроде «...мыло с экстрактом икры каспийского осетра – лучшее средство против преждевременного старения, мгновенно восстанавливает уставшую кожу и улучшает кровообращение... При регулярном использовании наблюдается накопительный омолаживающий эффект...».

– Здорово! – восхитился Иван Трофимович.

– Экспромт, – усмехнулась я, – но, если посидеть подумать, можно много всего написать. Про икру я для примера сказала, нужно брать исключительно наши растения, причем такие, что нигде больше не растут. Иностранцы ведь едут сюда за русской экзотикой, значит нужно им эту экзотику дать. Вы вот в кабинете чучело медведя с балалайкой разве не затем поставили?

Мы проговорили с Иваном Трофимовичем еще долго, пока в кабинет не заглянула его секретарь и выразительно не постучала по своим наручным часикам.

– Лидия Степановна, у нас же сейчас небольшая рабочая планерка будет, – спохватился сосед, благодарно кивнув секретарю. – Заодно познакомлю вас с коллективом. А то вы уже месяц у нас заметки пишете, а никто вас не знает. Да и вам полезно будет познакомиться с коллегами.

Мы прошли по коридору и остановились перед вытертой дерматиновой дверью кабинета под № 14. Иван Трофимович пропустил меня вперед, и я оказалась в похожем на гигантские баррикады кабинете. Только вместо мешков с землей здесь громоздились монументальные кипы бумаг, размерами если не с Эверест, то с Эльбрус точно. Бумаги царили повсюду: на высоченных, до потолка, стеллажах, на столах, на полу, на подоконниках, и даже на колченогой стремянке. При этом затхлостью старой бумаги и пылью здесь совсем не воняло, наоборот, пахло приятно хвоей и чем-то искристо-мятным. Несколько молоденьких девушек ловко отыски-

вали в этом бардаке необходимые документы, проворно вытаскивали нужный листочек из низа общей кучи так, что ничего не падало, или же с техничностью муравьев складировали новые гигантские горы.

Ужас, я бы так с ума сошла. И как они здесь все находят?

Пока я рассматривала этот бумажный термитник, одна из девушек, повинувшись указаниям Ивана Трофимовича, отдала мне аж полмешка писем. Я, конечно, ожидала, что писем будет много, но увидев сразу полмешка – сильно удивилась. И это еще мягко сказано.

– Женщинам нравится читать вашу колонку, – увидев мое лицо, довольно прокомментировал Иван Трофимович, потирая руки.

Я попробовала поднять – вроде как не сильно тяжелые, должна донести нормально.

– Обратная сторона успеха, – хмыкнув, развел руками сосед. – Я довезу вас, не беспокойтесь, Лидия Степановна.

– Я беспокоюсь не о том, что не дотащу, – вздохнула я и заглянула в мешок. – Чтобы им всем ответить, нужно много времени. Очень много. Неделю, как минимум.

– За неделю еще новые письма придут, – улыбнулась девушка, как мне показалось, сочувственно.

– Вы изобретательны, Лидия Степановна, что-нибудь да придумаете, – решил успокоить меня сосед.

– Ну вот смотрите, – я вытащила наобум обклеенный марками мятый конверт, оттуда достала исписанные невнятным

бисерным почерком два двойных листа из тетрадки в косую линию, – чтобы прочесть только это произведение, нужно минут двадцать, а, судя по вопросительным знакам, проблем у читательницы накопилось множество.

– Лидия Степановна, в ваших талантах я совершенно не сомневаюсь, – прыгнул с неоднозначной темой Иван Трофимович. – В крайнем случае заготовьте шаблон и только вписывайте имена читателей.

– Но как же можно одинаково по шаблону ответить на вопрос о том, какие средства использовать от облысения и как, к примеру, бороться с излишней волосистостью?

Девушки захихикали. А Иван Трофимович так вообще расхохотался.

Пока мы спорили, кабинет постепенно заполнялся людьми. Они с интересом прислушивались, некоторые давали советы, комментарии.

– Мы по комсомольцам-передовикам из колхоза «Путь Ильича» статью в прошлом году писали, помнишь, Миша? – сказала высокая женщина в джинсах и вязанном крючком пончо.

Бородатый мужчина согласно кивнул.

– Тоже со всей страны письма потом были, – продолжила женщина, – так мы попросили комсомольцев из тракторного, они нам все ответы написать и помогли.

– У вас все равно значительно поменьше было, – ответила толстушка в очках низким прокуренным голосом. – Кста-

ти, я – Джамиля Правдина. Это – Смена Стройотрядова, а – Миша у нас пишет под псевдонимом Виктор Степной.

– Это да, – согласилась Смена Стройотрядова, – тогда даже не знаю... здесь не одну организацию привлечь надо. И это ведь еще только начало...

– Ай, да о чем тут вообще разговор? – растягивая слова пренебрежительно вклинился в нашу беседу новый персонаж.

Был он по-своему даже эпатажен: лысина на башке, большие мясистые уши и нос, маленькие юркие глазки. С виду – продавец мороженого или воспитатель детского сада. Но при этом держался подчеркнуто мрачно.

– Все эти мыла-шмыла, лосьоны для лысых, капли для ушей и прочая чепуха – временное явление, – поджал губы мясистоухий. – Простой народ периодически тянется к какой-нибудь ерунде. Но бесконечно бытовые мещанские темы с бабским трепом быстро утомляют. Так что это ненадолго, поверьте моему опыту.

– Может быть и забудут, – ответила я, – но на эти полмешка писем все равно отвечать придется.

– Пройдет три дня, и все забудут, я последнюю заметку так даже не дочитал, на середине бросил, бабская скукота, – припечатал мясистоухий и демонстративно отвернулся к Ивану Трофимовичу, не давая возможности ответить.

После непродолжительной планерки, где меня представили коллективу, Ивану Трофимовичу пришлось еще задер-

жаться – должен был прийти какой-то важный пакет. Я же долго ждать не могла, и так весь вечер почти угробила – нужно было хоть немного поготовиться к экзаменам. Сосед пообещал привезти мои полмешка писем сегодня прямо домой. Поэтому я со спокойной совестью убежала.

Выскочив на улицу, я уже хотела перейти через дорогу на другую сторону, машин в это время было еще не столь много, как сзади мне на плечо опустилась рука.

От неожиданности я чуть не заорала.

– Сколько вас можно ждать, Горшкова. Пройдемте, – сказал неизвестный мужчина и толкнул меня в раскрытую дверь автомобиля.

Глава 2

Согласно легендарному древнекитайскому трактату о разного рода тактических уловках, если в непонятной ситуации не знаешь, что делать – притворись камнем. Кажись так там было написано. Ну, или примерно так. В общем, я сидела на заднем сидении машины, зажатая промеж двух угрюмых мужиков, и понимала, что данной ситуацией не владею, отнюдь. Поэтому не оставалось ничего иного, как «притвориться камнем».

Было ли мне страшно? Скорее нет, чем да. Бандитские времена лихих 90-х еще не наступили, время «черных воронков» давно прошло, так что, если меня куда и могли «похитить» посреди бела дня на улице под взглядами десятка прохожих – так только на какую-то архиважную беседу. Поэтому, когда первый испуг от неожиданности пропал, обуяла досада: сперва припомнилось требование Юрия Львовича поговорить, которое я проигнорировала чисто из бабской вредности, но, при дальнейших размышлениях, эту версию я откинула, так как масштаб фигуры Олечкиного «опиюса» явно мелковат, чтобы похищать людей вот так вот прямо на улице ради простого «поговорить».

Получается, что интерес к персоне Лиды Горшковой решили проявить безопасники. Самое страшное, что они могут мне инкриминировать, это то, что я попаданка. Но об

этом не знает никто. Таким образом, Лидочка им нужна за какие-то ее прошлые грехи. А что могла натворить глуповатая конторская служащая депо? Ничего особенного. Если не считать странной выходки на свадьбе сестры и непонятной ситуации с психушкой, о которой как-то упоминала Элеонора Рудольфовна, то больше ни в чем Лида замешана вроде, как и не была. Посему выходит, это скорее всего делишки ее супруга Валерия Горшкова и «обожаемой» свекрови заинтересовали этих людей. Хотя посмотрим.

Чтобы не тратить время и нервы зря, я чуток поёрзала, устроилась поудобнее и даже слегка прикемарила, право за день измоталась конкретно. Снился мне какой-то хороший сон, потому что я вроде как даже смеялась. Очнулась от того, что машина остановилась.

– Выходите, – буркнул угрюмый мужик и открыл дверку. Я послушно вышла.

Мы оказались где-то в пригороде или даже в деревне, во дворе частного двухэтажного дома за высоченным глухим забором: ветерок вяло шевелил ветви дубов и грабов, донося запахи прелого леса, птички пели со всей дури, где-то вдалеке лаяли собаки и слышалось мычание коровы.

Пасторальная благодать, в общем.

Мы проследовали в дом. Из-под приоткрытой двери комнаты слева тихо струилась шубертовская *Ave Maria* в исполнении Робертино Лоретти.

Тонко пахло свежемолотой арабикой и ванильной сдобой.

Мы вошли в другую дверь, и я оказалась в маленькой комнате. Из обстановки там был только низенький мягкий диванчик с кучей подушечек, думочек и валиков, круглый столик и высокая, неудобная даже с виду, табуретка на винтовой ножке.

– Садитесь, – мужчина махнул рукой, дверь хлопнула, и я осталась одна.

Чуть подумав, уместилась на табуретку. Через окно были видны только ветки граба, которые ветер периодически колыхал туда-сюда и кусочек неба в рваных облаках.

Смотреть на это мне быстро надоело, и я задумалась.

Не знаю, сколько я так просидела, уже и спина затекла, и коленки, но садиться на диванчик не хотелось. Интуитивно. Так и сидела с деревянной спиной и ноющими коленками.

Наконец, дверь скрипнула, и в комнату вошел ничем не примечательный мужчина в темно-сером костюме, не худой и не толстый, среднего роста, с бесстрастным лицом, на котором выделялись небольшие колючие глазки.

Не поздоровавшись, он скользнул по мне рентгеновским взглядом и аккуратно уместился на низком диванчике. Но как он ни старался, коленки оказались почти вровень с лицом. Уголок его рта при этом раздраженно дернулся. Заметив мой взгляд, серый мужчина вернул бесстрастную маску и с минуту молча рассматривал меня снизу вверх.

Я, в свою очередь, смотрела на него сверху вниз, и тоже молчала.

Когда играть в гляделки ему надоело, он, наконец, заговорил приятным мягким баритоном, причем скорее утвердительно, чем вопросительно:

– Лидия Горшкова.

– Да, – равнодушно подтвердила я и чуть поморщилась, затекшая спина неприятно отреагировала укусами тысяч злых муравьев.

Вновь возникла длинная-длинная пауза. Серый мужчина разглядывал меня уже с нескрываемым интересом. А я молчала.

Да, сперва я решила «включить дурочку», похлопать глазками, нести бессвязный бабский трэш, но, при длительном размышлении, на которое мне любезно предоставили столь много времени, я пришла к выводу, что в данной ситуации выгоднее использовать образ «умной, но недалекой идеалистки, слегка с лучезарной придурью».

– Лидия Степановна, хотите спросить, почему вы здесь? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Нет, – сказала я с невозмутимым видом.

Серый мужчина чуть сузил глаза. Опять воцарилась тишина.

– Неужели вам не интересно, зачем вас сюда привезли? – он вновь предпринял попытку втянуть меня в диалог.

– Нет, – безучастно пожала я плечами и уставилась в окно.

– Хорошо. Тогда расскажите нам, Лидия Степановна, – вдруг подался вперед мой собеседник (учитывая впирающие

коленки и низкий диванчик это получилось довольно комично, да и он сам это понял и раздраженно откинулся назад), – о чем вы говорили с Романом Мунтяну?

– Эммм... – сперва аж опешила я и чуть не свалилась с неудобной табуретки. – С Мунтяну? Но он никогда не разговаривает вообще-то. Ни с кем. Боюсь, что он и разговаривать толком не умеет.

– А все-таки, – прищурился мужчина, хотел опять нагнуться вперед, но вспомнил о коленках и передумал. – Нам доподлинно известно, что он заходил к вам в кабинет и приглашал на некую встречу.

– Ну, раз вам все известно, то и добавлять здесь нечего, – демонстративно потерла виски я: голова болела все сильнее и сильнее.

– Лидия Степановна, – не повелся мужчина, – мы знаем, что завтра вечером вы пойдете на встречу на Набережной, и здесь нам будет необходима ваша помощь. Так сказать, небольшое дружеское содействие. Подчеркиваю – небольшое.

– Какая помощь? – удивилась я, – Какое содействие? Грохнуть Мунтяну? Поджечь гаражи? Разбить все бутылки с пивом?

– Каким пивом? – не понял мужчина.

– Не знаю. «Жигулевским», наверное. Я в сортах пива не особо ориентируюсь, знаете ли, – фыркнула я.

– Лидия Степановна, ... – в обволакивающе-мягком тоне

мужчины проскользнули стальные нотки, но я перебила:

– Скажите, пожалуйста, уважаемый незнакомец, что же вам действительно от меня нужно? Вот не верю, что все это вы затеяли ради одного разговора о коллективном распитии пива в гаражах.

– Лидия Степановна, ... – опять попытался достучаться до меня мужчина, но я опять перебила, нависая над ним:

– И давайте уже разговаривать нормально, или везите меня обратно, или сажайте в тюрьму, или на что там еще хватит вашей фантазии... – проворчала я. – У меня работы полно, уже ночь почти на дворе, а мы тут с вами гаражные пьянки работяг депо «Монорельс» тайно обсуждаем.

Неожиданно мужчина тихо рассмеялся.

– Да уж, повеселили.

Я поморщилась.

– Признаться, впечатлен, – вкрадчиво начал мужчина, резко успокоившись (он больше не пытался ёрзать на диванчике, но от его расслабленной позы повеяло опасностью). – Мда... не могу не согласиться, нам нужна... некоторая информация.

– И достать эту информацию на всей планете могу только я, правильно? – подхватила я.

– Вы наблюдательны...

– Угу, а еще умна и прекрасна, – поддакнула я сердито. – Так что там за секретная информация такая?

– Некоторое время назад вы помогали Карягину готовить

документы к приезду проверяющих из Москвы... – начал мужчина.

– Было такое, – подтвердила я.

– Кстати, а почему именно вы? – как между делом поинтересовался мой собеседник.

– А я умею быстро работать с любыми большими объемами документов, – пояснила я и похвасталась. – У меня даже ращпредложение по ускоренной каталогизации документов подготовлено. Еще, вроде не утвердили.

– Утвердят, – кивнул каким-то своим мыслям колючеглазый мужчина и продолжил. – Во время работы вы имели доступ к синим папкам...

– Имела, – не стала отрицать я (а смысл отрицать, раз они и так все знают).

– Нас интересует информация в папках под номерами 34 и 36.

– Ничем помочь не могу, – развела руками я и, взглянув на вытянувшееся лицо моего собеседника, сочла необходимым прояснить, – дело в том, что абсолютно все папки под номерами с тридцаткой были пустыми.

– Как...? – напрягся мужчина.

– Комиссия их не проверяла, а я просто засунула эти папки подальше. Вот и все.

– Твою ж мать!

– Если бы вы конкретизировали, какая именно информация вам нужна, я бы попробовала поискать.

– Нам нужны протоколы совещаний от декабря 1979 года. Все, что есть. И черновики тоже.

– Хорошо. Результат не обещаю, но посмотреть постараюсь.

– Замечательно. Просто замечательно, что мы пришли к обоюдному согласию. – обрадовался мужчина, – тогда работайте, а наш сотрудник подъедет к вам... ну, скажем, дня через три.

– А по поводу сходки в гараже и Мунтяну, – напомнила я, – извините, но на роль агента я не подхожу: я невнимательна, легковерна, быстро пьянею, а в состоянии алкогольного опьянения болтаю слишком много и не по делу.

– Но можно же не пить, – начал было серый.

– Шутите? – рассмеялась я. – Один раз это, может, и прокатит, а потом на гаражи просто перестанут приглашать...

Я ехала в машине обратно и обдумывала нашу беседу.

Ну что ж, с роли соглядатая неформальных вечеринок прыгнуть мне вроде как удалось. Кроме того, понятно, что за этими «встречами» пристально наблюдают и «им» все известно. Выходит, и собираются коллеги там не только прибухнуть и посплетничать. Нужно обязательно сходить, посмотреть, что там, а потом сослаться на слабое восприятие алкоголя и прыгнуть.

А вот по Ивану Аркадьевичу все только начинается. Отказать я им не могу, они бы не приняли такой вариант, и я

еще огребу проблем. Жаль, гадить Карягину не хочется, поэтому надо что-то придумать. Из всего этого главный вывод, что кандидатура Ивана Аркадьевича для моих планов годится не очень: то с Москвы комиссия проверяет его, то теперь эти «товарищи». Плюс появление этой грудастой Машеньки потенциально тоже может нарушить мои планы (ночная кукушка и все такое, судя по объему машенькиного бюста, все этим и закончится).

Получается, что делать стопроцентную ставку на прокачку и раскрутку Карягина мне не подходит. Рискованно. Однако, других кандидатур у меня нету, посему придется опять тащить все самой. Так как в большом мужском мире женщин категорически не жалуют, значит, нужно создавать какой-то образ, который позволит войти туда и не нажить врагов.

Что ж, буду думать.

Уже дома Римма Марковна разворчалась:

– И где ты так долго была, Лидия? – сварливым голосом спросила она, плохо скрывая волнение, – ночь на дворе, а ты ходишь непонятно где, ужин давно остыл, Иван Тимофеевич тут почти целый мешок писем привез, кто отвечать всем этим читателям будет?!

– Справлюсь, – зевнула я и, наплевав на все дела, пошла спать, заодно проигнорировав ужин.

Рано утром, как только-только начался рабочий день, я

уже входила в кабинет Лактюшкиной. Бабоньки встретили меня довольно радушно: предложили чаю с творожным рулетом, испеченным Базелюк, и порцию свежих новостей. От рулета отказываться я не стала, вежливо поклевала кусочек, а заодно узнала все стратегически важные сплетни.

Репетун, как всегда, опоздала. Поправляя легкомысленные локоны, тщательно подвязанные небесно-голубым люрексковым шарфиком, она впорхнула в кабинет со словами:

– Девочки, в центральном магазине «Ткани» импортный крепдешин с обеда выбросят! Но там очередь и по записи. По два метра на руки. Я вас всех записала. Если кто не хочет – я себе возьму.

– Почему это не хочет?! – возмутилась Лактюшкина, – крепдешин я возьму.

– И я возьму!

– И я!

– А какого цвета? – забеспокоилась Жердий.

– Зеленый в горошек, – ответила Репетун. – И еще есть кремовый, но там мало.

Бабы взволнованно загудели, зашушукались, горячо обсуждая жизненно важный вопрос: какое платье лучше – кремовое или зеленое в горошек. Мнения разделились, причем партия Фуфлыгина-Жердий явно проигрывала любительницам горошка. Градус дискуссии все нарастал. Мне же слушать эту болтовню быстро надоело, и, встретившись взглядом с глазами Репетун, я кивнула на дверь. Затем также зна-

ком отозвала Максимову.

В коридоре, оглянувшись и убедившись, что никто нас не слышит, сказала:

– Девушки, тут такое дело, – понизила голос почти до шепота я, – нужна ваша помощь. Это не по работе. Только дело не для широкой огласки, так что – никому!

Репетун и Максимова моментально закивали, что они никогда и никому.

Я «поверила» и продолжила:

– Вы колонку для женщин в нашей газете видели?

– Да, я всегда ее читаю, – похвасталась Репетун. – там в последнее время очень дельные советы. Рекомендую.

– А я не только читаю, но и делаю вырезки и вклеиваю их в специальную тетрадку, – тут же перещеголяла коллегу Максимова. – Могу дать переписать, но только дня на два. Больше не могу – самой надо.

– Нет, нет, – поспешила заверить я коллегу, что покушаться на ее добро не желаю. – Дело в том, что в эту рубрику приходит много писем от читательниц, а отвечать автор не успевает. Поэтому в редакции газеты подумали, что, может быть, вы могли бы помочь с ответами?

– Я? – изумилась польщенная Репетун.

– Да, и вы, и Евдокия Андреевна, – ответила я.

– А как в редакции о нас узнали? – ахнула Репетун.

– Читайте, по моей рекомендации, – не стала скромничать я. – Я давно отметила ваши таланты в сфере эстетики

и красоты и при случае посоветовала ваши кандидатуры как самые оптимальные.

– А как мы письма поделим? – ревниво спросила не менее удивленная Максимова.

– Все просто. К примеру, Татьяна Петровна прекрасно может отвечать на провокационные эстетические вопросы, – я кивнула порозовевшей от удовольствия Репетун. – А вот вы, Евдокия Андреевна, можете легко взять на себя читательниц-интеллектуалок.

Заручившись согласием донельзя довольных коллег, я пообещала завтра прям с утра принести им все письма.

Ну, что ж, еще одной проблемой меньше!

Я вошла в кабинет № 21 с новой упаковкой копирок – удалось разжиться у довольной Максимовой. На радостях она выгребла мне все, что было. Вот кто бы подумал, что такой геморрой для меня с ответами на письма, она воспримет как какое-то невероятное общественное признание. В наше время мы уже давно привыкли и перестали обращать внимание на значение соцсетей, когда любой дворник или домохозяйка может сделать себе профиль с громким ником, поставить на аватарку фото Наполеона или Мэрилин Монро и с важным видом писать любые комментарии на страницах хоть знаменитых артистов, хоть политиков или писателей. А вот в эти времена, когда каждый шаг регламентируется сакраментальным «а что люди скажут?», проблема недореализованности

маленького человека стоит очень остро.

С такими экзистенциальными мыслями я распахнула дверь кабинета – сейчас вот отпечатаю последние пять листов и можно отдавать отчет Ивану Аркадьевичу...

Но все мысли моментально испарились: в кабинете, оперев руки в бока, стояла разъяренная Машенька и вычитывала надутой Аллочке:

– Меня зовут Мария Олеговна! Извольте называть меня, как указано в моем паспорте!

Аллочка попыталась что-то возразить, но была перебита Машенькой:

– Сегодня вы опоздали на восемь с половиной минут. Я все фиксирую. Информация будет передана в отдел кадров...

Наконец, Аллочка справилась с негодованием и выпалила:

– У нас здесь порядочная организация и ходить в таком непотребном виде среди сотрудников не принято!

– В каком это виде? – покраснела Машенька и безуспешно попыталась натянуть декольте чуть повыше.

– Советские женщины не должны потакать мелкобуржуазным инстинктам! – выдала идеологический совет сердитая Аллочка, недовольно и завистливо косясь на пышный бюст Машеньки.

Я невольно восхитилась этому диалогу – растет молодая поросль, вот уже и зубки друг другу начинает показывать. Аккуратно прикрыв дверь, я тихо выскользнула обратно в

коридор, чтобы не мешать девочкам общаться...

Я шла по коридору и думала куда бы податься, слушать дразги мелких пигалиц в кабинете не хотелось, возвращаться к Лактюшкиной – тем более, с Тоней мы больше не дружим, у Зои Смирновой – Швабра. К Егорову и Мунтяну лучше пока не ходить. В столовку – еще рано.

И тут меня окликнули:

– Лида! Горшкова! Тебе звонят!

Сердце тревожно ёкнуло – неужто Горшков решил опять новые претензии выкатить? Вроде больше никому я особо не нужна. Как бы там ни было, я пошла на проходную к телефону.

В трубке послышался взволнованный голос. Женский:

– Лидия Степановна? Здравствуйте! Меня зовут Юлия Валеева. Я жена Василия Павловича Валеева, отца Светы Горшковой.

– Здравствуйте, Юлия. Слушаю вас, – ответила я, а на душе заскребли кошки.

– Лидия Степановна, нам очень нужно встретиться и поговорить, – хриплым, прерывающимся от волнения голосом сказала Светина мачеха. – Когда вы сможете? Чем скорее, тем лучше.

Договорившись о встрече на завтра в обеденный перерыв, я положила трубку.

Интересно, что же ей от меня надо?

Глава 3

Я опаздывала.

Пряный душный вечер неторопливо вступал в свои права, небрежно набросил пушистые тени на город, словно соболиное манто на точеные плечи красавицы. Духмяно пахло сладкими ночными цветами и жареной рыбкой из моего кулька – после работы я успела заскочить домой переодеться в спортивный костюм Горшкова, и заодно прихватила с собой пару бутылок пива и особым образом пожаренную рыбку (Римма Марковна была категорически озадачена и успела смастерить невероятно вкусную хрустящую рыбку в сырном кляре с пикантными травами и солью, – под пиво самое оно).

Поэтому я и опаздывала – пришлось дожидаться, пока Римма Марковна все дожарит. А рыбы-то было много.

Набережная нашего города только носит столь громкое название. На самом деле это всего лишь кусок забетонированной территории у болота в окружении жухлых кустиков осоки, там и сям торчащих из глинистой растрескавшейся почвы, а дальше хаотично – гаражи, гаражи, ангары, какие-то сараи, и опять ангары, и еще гаражи. Причем все как-то сумбурно, вперемешку, но тем не менее несет некий романтический флёр, в стиле диккенсовских трущоб, это придает набережной дополнительное лихое очарование и пользуется бешеной популярностью у хулиганистой молодежи.

Второй гараж слева найти оказалось неожиданно легко. В сгущающихся сумерках разобрать цвет двери было невозможно, – то ли голубой, то ли серый, зато по орущей «Шизгара» и дружным раскатам гогота сразу стало понятно, куда именно нужно идти.

Войдя внутрь, я на мгновение замерла – пока глаза привыкали к свету. В гаражном помещении никакого автомобиля не было, зато собралось человек пятнадцать, большинство я не знала. Из наших были Роман Мунтяну, Василий Егоров, двое парней из метрологического – Пашка и Генка, и неожиданно – Евдокия Андреевна Максимова, та самая сутулая старая дева, которая вела статистику и учет в конторе нашего депо (у Лактюшкиной) и которую я припрягла отвечать на письма.

– Привет, Горшковска-я-я-я-а! – радостно заорал изрядно поддатый Василий Егоров и полез обниматься.

Мунтяну кивнул и взглянул на меня внимательно. По его смуглому бесстрастному лицу было сложно сказать, трезв он или уже нет. Также я удостоилась приветствий от метрологов и неожиданно поцелуя в щечку от Максимовой.

Меня познакомили с остальными персонажами, в основном все были мужского пола. Кроме нас с Максимовой, была еще одна девица, манерная, стриженная под ёжик, в тельняшке и зачем-то в криво обрезанной фуфайке с торчащими ключьями ваты и без рукавов, ее глаза были густо подведены в стиле Веры Холодной, и еще она без конца курила си-

гареты, отставляя мизинец. Имя у нее было тоже странное – Мина. Больше ничем особым она мне не запомнилась. Все ребята и Мина работали на тракторном.

На перевернутой деревянной катушке для стальных тросов, накрытой куском фанеры и символизирующей стол, громоздились ряды запотевших бутылок с пивом, несколько трехлитровых банок (тоже с пивом), штук семь бутылок водки, а из закуси были только прошлогодние яблоки, причем зеленые и порядком уже сморщенные («зелёпухи», как пренебрежительно сказал Егоров), да еще кулек подтаявших ирисок «Тузик». Поэтому жаренная рыбка от Риммы Марковны была встречена бурными овациями и одобрителем утробным рёвом местного кота Барсика с продувной рожей, который жил прямо здесь, в гаражах и ангарах, и бдительно охранял их от врагов.

Мне вручили доверху наполненный стакан пива (от водки я благоразумно воздержалась) и народ вернулся к обсуждению, прерванному моим появлением.

– И вот как жить?! – уставился на всех мутным взглядом Генка. – Как?!

– Э-э-эх!! – Егоров с ненавистью посмотрел на запотевший стакан с водкой, внезапно хекнул и опрокинул всё залпом в рот. А ему уже совали другой стакан, с пивом для запивона.

– Это всё пошло! – заявила Мина, брезгливо отставила опустевший стакан и злобно пыхнула сигаретой, выпустив

концентрированную сизоватую струю. Табачный дым обтекал засиженную мухами тусклую лампочку, создавая вокруг нуарный ореол таинственности. – Обывательщина!

– Обывательщина?! – возмутился Генка и так махнул рукой, что чуть не пролил на себя пиво, – А как же гражданское мужество? Ты посмотри! Посмотри! Его же все теперь ругают! И «Комсомольская правда», и «Литературная газета»!

– И «Правда».., – поддакнул чернявый парень из тракторного (имени его я так и не запомнила).

– Да, в «Правде» тоже очень резкая статья была, – поддержала его Максимова и вдруг ловко хлопнула полстакана водки, не закусывая.

У меня аж глаза на лоб полезли – ну от нее вот такого я не ожидала.

Мунтяну тоже выпил, зажевал рыбкой и вдруг заговорил, печально и значительно:

– Слышите, как уходит время?

Все прислушались, но кроме хриплого голоса Криса Нормана и вторящей ему Сьюзи Кватро «Stumblin In 1978» больше ничего слышно не было.

– Я вот сейчас почитаю вам его стихи, и вы поймете! – перебивая Мунтяну, воскликнула Максимова и завывающим, чуть заплетающимся голосом принялась читать переписанные в коленкорovou тетрадку строки с вяло провисающей рифмой. Из всего потока сознания я разобрала только «соглядатай», «предательство», «искупление», «яма» и «Хри-

ста-Спасителя». Все в кучу оно у меня никак не складывалось, но остальные слушали очень внимательно и даже торжественно, кроме меня и мяукающего Барсика, требующего еще рыбки.

– «И я продам вас, я продам вас!..» – надрывалась Максимова, а вокруг нее, помахивая сосисочным хвостом, озабоченно наматывал круги Барсик, стараясь не наступать на отбрасываемую катушкой тень.

Мне было скучно.

– Ну вот! А они говорят – враг! – возмутился еще какой-то парень с тракторного (вроде Иван, но, может, и Олег).

– Все ждут, как мы будем реагировать, – заявила Мина и нервно подкурила новую сигарету.

– Еще как будем! – воинственно пообещал Егоров и жадно присосался к бутылке с пивом.

– Наливай!

– А рыба еще есть?

– И мне долей!

– Вот за что нам все это?! За что?! – вдруг взвизгнула Мина, с омерзением потрясая газетой «Правда» с портретами руководителей ЦК Партии на первой странице.

— Дай сюда, – Генка схватил газету и нанизал ее на вбитый в стену гвоздь. Теперь у Громыко гвоздь торчал прямо из левого глаза, придавая ему удивленно-прищуренный вид. Все засмеялись, заплодировали. Кто-то уже разливал по новой.

Пашка хотел плюнуть в Громыко, но не рассчитал и не доплюнул.

– Нна, мрази! – чернявый парень гневно выплеснул пиво на портреты, что сопровождалось новым взрывом хохота.

Выпили еще.

Мне хотелось домой, в теплую кроватку.

– Лидка, ты согласна? – строгим, заплетающимся языком спросил меня Егоров.

Я кивнула, отрываться от коллектива неудобно.

– Наш человек, – полез обниматься Егоров, стараясь меня еще и обшлюнявить, но был категорически оттянут за рукав Миной, которая оттащила его в угол гаража и принялась там что-то горячо выговаривать. На все ее сердитые аргументы Егоров лишь пьяненько хихикал и пытался облапать.

– Я вот прочитала «Архипелаг ГУЛаг» и считаю.., – взволнованно заговорила Максимова, закатывая глаза, но тут из магнитофона заорала Глория Гейнер «I Will Survive!», и что там считает Максимова по поводу диссидентской литературы, я не расслышала.

А за столом опять разливали. Налили даже Барсику, правда ему только пива.

Все выпили. Дружно. До дна. Только скотина Барсик понюхал, покрутил наглой мордой, недовольно чихнул и отошел с мяуканьем, требуя еще рыбки. Ему не дали, раз такой:

– Уйди, земноводное! – шикнул на него чернявый парень

с тракторного, но Барсик не отреагировал, продолжая требовательно верещать.

Заговорили все вместе, взволнованно, одновременно, торопливо перебивая и не слушая друг друга:

– Это посягательство на суверенитет...

– Демократия...

– ... хочу жить в Люксембурге и есть лангустов...

– Нужна внешнеполитическая акция... и чтоб ого-го и ух!

Мунтяну схватил большой оцинкованный таз и со всей дури жახнул по нему бутылкой из-под водки.

Трямкнуло знатно.

От неожиданности все замолчали.

– Надо написать «Манифест трудового народа», выйти на площадь, когда будет Олимпиада, там же будут иностранные корреспонденты и зачитать это все им, – отрубил Мунтяну и икнул. – Текст «Манифеста» предлагаю поручить Дусе, Мине и Геннадию. Остальные должны подключаться с предложениями. Согласны?

Согласны были все.

Ну, кроме чернявого парня с тракторного, который потерянно сидел на полу у стенки и, прихлебывая прямо из бутылки, о чем-то жаловался портрету одноглазого Громыко.

Коллективное согласие выражали по-разному: кто-то выкрикивал какие-то ободряющие слова и даже лозунги, другие поддержали мунтяновский проект решительно и бескомпромиссно, хлопнув еще водки.

Мне протянули очередной стакан пива: на радостях, что все уже заканчивается, я быстро его хлопнула и только потом поняла, что кто-то туда долил водки...

– Тогда встречаемся, как обычно, во вторник, здесь же, – подвел итог Мунтяну и народ начал потихоньку рассасываться.

Последнее, что я помню – это бандитская рожа Барсика с хитрыми глазами-крыжовникам...

– Пьяная алкашня, – укоризненно сообщила мне утром Римма Марковна и со вздохом протянула стакан розоватого капустного рассолу.

Вместо того, чтобы возражать и что-то доказывать, я взяла стакан и присосалась к живительной влаге: кисловатая амброзия потекла по пищеводу, смывая тошноту прочь, пол и потолок перестали так сильно качаться, и я поняла, что жить потихоньку можно... но только очень потихоньку...

На работу я таки добралась. Но чувствовала себя уж очень паршиво, а людей ненавидела как вид. Если узнаю, что за гад подлил мне водки в пиво – убью особо жестоким способом!

В кабинет не пошла, слушать вопли Аллочки и Машеньки было выше моих сил.

В результате недолгих размышлений спустилась в актовый зал, заперла дверь изнутри и там прекрасно продремала аж до самого обеда.

Обедать не стала. Не могла. Вместо этого выпила три стакана томатного сока с солью, мир стал капельку добрее, и я, прихватив бутылку минералки, отправилась на встречу с Юлией Валеевой.

Светкина мачеха оказалась одетой с иголки, яркой блондинкой, с огромными васильковыми глазами и аккуратным носиком (вот любит Василий Павлович красивых баб, во вкусе ему не откажешь).

Мы поздоровались и Юлия Валеева смущенно замялась: – Понимаете, Лидия Степановна, когда Светлана появилась в нашей семье, все пошло наперекосяк, – она всхлипнула, чуть качнула головой и огромные дутые золотые серьги мелодично звякнули. – Василий Павлович так переживает, что Светлана очутилась в том интернате и винит во всем только себя.

– Логично, – проворчала я, – он же ее отец.

– Ах, если б вы знали, как мне трудно, – васильковые глаза налились слезами, Юлия поднесла к ним надушенный батистовый платочек и аккуратно промокнула уголки, чтобы не размазать тушь, при этом сверкнув рядами золотых колец с крупными бордовыми камнями, – эта Светлана совершенно невоспитанна, глупа, избалованна и совсем не желает слушаться старших.

Я промолчала.

– Эта ужасная женщина, Ольга, совершенно нею не зани-

малась, – продолжила жаловаться Валеева. – Никогда. Ребенок рос, как сорняк.

Я кивнула, что есть, то есть.

– После того, как Василий Павлович забрал Светлану к нам, моя жизнь превратилась в ад, – сокрушенно вздохнула Юлия, – понимаете, мы же пока хотели пожить для себя, своих детей не заводили, а теперь у нас в семье вдруг появился этот ужасный ребенок!

Я понимала.

– Этим летом мы планировали съездить в Сочи, вдвоем, – продолжила жаловаться Юлия, – Василий Павлович много работает, так устает. А этот ребенок... ну, вы же понимаете?

– Что вы от меня хотите? – голова от ее трескотни начала болеть заново, тошнота стала возвращаться и моя толерантность резко закончилась. Я раскрыла бутылку минералки и алчно припала к горлышку.

– Лидия Степановна, заберите ее к себе, – заявила Юлия, и я поперхнулась минералкой.

Глава 4

Ветер настойчиво царапал дождевыми струйками оконные стекла и от этих звуков возникало единственное желание заткнуть уши и спрятаться под одеяло. Свинцовые тучи почти не пропускали тусклый свет, наполняя кабинет густым блекло-серым сумраком, от которого спать хотелось еще сильнее. Я зябко поежилась от сырости и поплотнее закуталась в старую вязанную кофту Риммы Марковны, которая этим утром силком сунула мне ее уже почти в дверях.

– Давай ты будешь печатать, а я – диктовать? Или наоборот, – предложила Аллочка, кисло взвесив в руках увесистую кипу важных и очень-очень важных бумаг. – Сначала твою работу сделаем, потом – мою. Или наоборот.

Я согласилась, действительно, так будет быстрее.

– Давай, диктуй, – я поспешно расчехлила машинку и вставила переложенные копирками чистые листы.

Мы трудились минут сорок, пока Аллочка не выдержала:

– ...а также в период гарантийной эксплуатации локомотива... Ты представляешь, Лид, а ведь Щука опять ушла на больничный, и надолго, – ввернула она, перелистнула очередную страницу и продолжила диктовать, – ...в том числе производственную деятельность, направленную на изготовление новых локомотивов и их отправку к месту эксплуатации в депо «Монорельс»...

– Сочувствую ей, – равнодушно ответила я, машинально отбивая текст, – повтори, пожалуйста, последнюю строку, вроде там было слово пропущено, не пойму.

– ...и их отправку к месту эксплуатации в депо «Моно-рельс»... – дисциплинированно повторила Аллочка и опять не удержалась, – говорят, потом она еще и в санаторий поедет...

– Возраст, – безразлично сказала я, прокрутив каретку машинки, и жамкнула на рычаг, чтобы освободить валик. – Нужно здоровье беречь смолоду.

– Так что месяца полтора-два мы ее не увидим.

– Вот и чудненько, – кивнула я.

– А на ее месте знаешь кто будет? – напустила на себя загадочный вид Аллочка.

– Да что тут думать, ясно, что Гиржева, – отмахнулась я и поменяла листы, – давай диктуй лучше, не отвлекайся, а то мы так и до обеда не успеем.

– А вот и нет! – фыркнула Аллочка и, выдержав театральную паузу, выпалила, – Коза эта будет, дурная! Вот!

– Какая коза дурная? – не поняла я.

– Машенька, мать ее! – злобно ощерилась Аллочка, – Мария Олеговна по паспорту которая.

– Ого, – пробормотала я, – ну, ничего себе.

– Вот тебе и ничего себе! – позлорадствовала Аллочка и добавила, – вот так работаешь-работаешь себе потихоньку, а тут какая-то коза приходит и бац! Сразу на место Шуки!

– Давай, диктуй лучше дальше, – прервала поток возмущения я, прокрутив каретку так резко, что чуть не сломала ее.

– ...и возможные варианты устранения неисправности силами ремонтной бригады номер три...

Когда общими усилиями со срочными документами было покончено и Аллочка отбыла к себе, я крепко задумалась. Вот же засада! Только-только со Щукой определенный нейтралитет удалось выстроить, как теперь случилась Машенька. Молодая девушка с большой грудью и склочным характером, которая умудрялась ювелирно протроллить и довести до истерики даже обычно сдержанную и слегка флегматичную Аллочку. Мда-с. Вот теперь то уж будет весело. И что делать со Светкой тоже абсолютно не понятно. После разговора с Валеевой, я взяла паузу на два дня, подумать. Дамочка категорически настроена сбить падчерицу хоть в интернат, хоть в Гондурас, хоть на Луну. По ней видно, что девушка она крайне решительная и на пути к личному комфорту преграды сметет любые. Мне же чужой ребенок тем более не нужен, особенно ребенок Горшковых, а с другой стороны, как-то и жалко, такая маленькая, а уже никому не нужна. Значит, нужно подумать, куда ее можно пристроить. И Горшков, гад, постоянно прячется. Я уже заколебалась его вылавливать. Через суд разводиться не хочется, для карьеры это явно не самое лучшее решение. В общем, проблем у меня снова куча. О странном незнакомце и тусовке в гараже я

вообще стараюсь пока не думать. И так настроения никакого нет. Да еще вступительные экзамены скоро, а я программу нормально выучить не успеваю.

Голова пухла от мыслей и уже готова была взорваться, когда за окном жажнул раскат грома, дверь распахнулась и в кабинет ворвалась Зоя. Ее плащ и косынка вымокли насквозь.

– Фу-у-ух, ну и погодка в начале лета, – Зоя сорвала плащ и искала глазами, куда бы пристроить. Развесив его на спинке стула, она подошла к висевшему на стене зеркалу и принялась вытирать лицо носовым платком, стараясь не размазать тушь и тени.

Я вяло дописывала последнюю карточку, поэтому не ответила.

– Вот скажи мне, Лида, а зачем ты якшаешься с этой Максимовой, и с Репетун? – Зоя рывком стащила нейлоновую косынку, стряхнула капли воды, небрежно завязала ее обратно и развернулась ко мне с крайне недовольным видом, – забыла уже, как они тебя хором изводили?

– А как надо? – аж удивилась такому напору я.

– Ну, у тебя же теперь власть, ты в фаворе... – хмыкнула она.

– В каком еще фаворе?

– У Ивана Аркадьевича, будто сама не знаешь! – загорячилась Зоя и поправила сползающую косынку. – Лида! Ты же можешь всю эту бабскую кодлу одним махом разогнать! И не делай вид, что не понимаешь!

– Могу, – пожалала плечами я. – Только зачем?

– Ну, так отомсти им! – воскликнула Зоя и глаза ее вспыхнули предвкушением.

– Зачем? – флегматично поинтересовалась я и продолжила внимательно заполнять карточку аккуратным почерком.

– Как это зачем? – Зоя аж поперхнулась, – во-первых, ты отомстишь обидчикам и это приятно, а во-вторых, просто потому, что любое зло должно быть наказано!

– Ты права, – согласилась я, и Зоя, приготовившись яростно доказывать, сдулась.

– Ну, так чего ты тогда с ними хороводишься?

– Зоя, сама подумай, – я поморщилась, когда жажнул очередной раскат грома, – ты только что нарисовала краткую перспективу: да, я могу сейчас их «ого-го и ух!», могу покуражиться над ними так, как они куражились надо мной, и даже еще хлеще, фантазия у меня есть, могу дистанцироваться на общение в стиле «добрый день – до свидания и адыю». Ну, а смысл какой в этом? Потешить самолюбие на целых пять минут? Или даже на целых шесть! Получить моральное удовлетворение? Ну, потешу. Ну, получу. А потом? Видишь ли, Зоя, руководствоваться эмоциями, и тем более – опираться на ближние перспективы – это глупо. Даже не так: не глупо, а очень глупо и очень недальновидно. Ну, покуражусь я, разгоню их, а дальше что?

– Придут нормальные сотрудники... – пожалала плечами Зоя и принялась перевязывать косынку заново, – с которыми

можно нормально работать... вот же дрянь, соскальзывает!

– А если придут ненормальные? – хмыкнула я, и Зоя не нашла, что ответить, – Тех тоже выедашь прикажешь? А что, если придут не просто ненормальные, а ненормальные в крайней степени? Тогда что делать? Ждать пока они меня съедят? Или искать другую работу? А там ведь тоже могут быть свои ненормальные.

– Но мириться...

– Да зачем же мириться? – удивилась такой наивности я, – худой мир, конечно, лучше хорошей войны – это мое правило, а этих дамочек уж я использую так, как нужно мне. Они же прекрасно понимают, что я всё-всё-всё помню. И ужасно боятся, что я могу им отдать...

– Но они же могут твое терпение принять за слабость, – предприняла еще одну попытку повлиять на меня Зоя. – И опять начнут тебя изводить.

– Не начнут, – поморщилась я, переживая отдающий в ушах тройной раскат грома, – они уже все давно просчитали. У нас вооруженный нейтралитет. И всем пока хорошо.

– Ну это как-то...

– Эпоха рыцарства давно прошла, Зоя, – вздохнула я и продолжила, – И, кстати, очень рекомендую тебе наладить взаимоотношения со Шваброй.

– Да она! – задохнулась от негодования Зоя. – Да ты знаешь, сколько она мне всего сделала! Сколько крови выпила!

– Точно не знаю, но примерно могу представить, – кив-

нула я. – И поэтому очень советую тебе хорошо подумать и выстроить правильные рабочие отношения со Шваброй. Она же в курсе дела, что ты в моей команде, поэтому особо наглеть и гадить побоится. А тебе работать будет удобней. А косынку эту выбрось, сплошная синтетика.

– Как это выбрось?! – возмутилась Зоя, – это импортная косынка, между прочим, мне ее знакомый из Чехословакии привез!

– Пока мы болтали, ты ее уже сто раз перевязала, а она все время съезжает, – пожала плечами я, – и сейчас опять перевязывать будешь...

– Зато красиво! – привела убийственный аргумент Зоя и спохватилась, – а я знаешь почему пришла?

– Поругать меня за Максимову и Репетун?

– Да нет же! – фыркнула Зоя и вдруг выдала, – У нас начали формировать список кандидатов в делегацию на Олимпиаду...

– Прекрасно! – воскликнула я (черт, совсем забыла!) – меня впиши обязательно!

– Не все так просто, – заявила Зоя и опять поправила косынку, – желающих много, а мест всего двадцать.

– Двадцать – это довольно много, – сказала я.

– Ты не понимаешь, – вздохнула Зоя, – это на все депо, нас полторы тысячи. А мест – всего двадцать.

– И что, все хотят поехать? – не поверила я. – Вот прям все полторы тысячи?

– Нет, не полторы тысячи, но человек триста-пятьсот точно хотят, – ответила Зоя.

– Ну тогда впиши меня пятьсот первой, – продолжила настаивать я.

– Да я-то впишу, мне не трудно, – покачала головой Зоя и непослушная косынка опять предательски сползла, – но отбор будет жесткий.

– А какие критерии? – мне стало интересно.

– На днях скажут точно, – сказала Зоя, – я только знаю, что обязательно нужно принимать участие во всех мероприятиях к Олимпиаде и покупать всякие лотерейные билеты и еще сувениры – значки, марки...

– Отлично, – усмехнулась я, вспомнив управдомшу из «Бриллиантовой руки»: «кто купил билетов пачку – тот получит водокачку!». А у меня почти также: «хочешь на Олимпиаду – купи билетов на зарплату!».

– Вот завтра вечером у нас будет большое мероприятие, – тем временем продолжила Зоя, – приедут товарищи из Комитета по пропаганде рассказывать про Олимпиаду. Так что приходи.

Я пообещала, что приду. Раз надо, значит – надо.

В кабинет заглянул Марлен Иванович с черновиком протокола, и Зоя быстренько распрощалась.

Рабочая рутина продолжалась.

Дождавшись обеденного перерыва, я сбегала на проход-

ную. Сегодня дежурил Петрович, глуховатый хмурый старик. Буркнув на мое приветствие, он протянул телефон, и я набрала знакомый номер:

– Аллё! – проскрипел голос по ту сторону.

– Добрый день, – сказала я. – Пригласите, пожалуйста, товарища Валерия Горшкова.

– Валерий Анатольевич уже второй день как на больничном, – заявил голос. – До пятницы.

– Простите, а он сейчас дома или...

Ответом мне были гудки.

Ну, ладно, раз на больничном, значит нужно идти на улицу Механизаторов. Попался, голубчик!

Я шла по улице домой. Ливень давно закончился и наполнил о себе разве что глубокими лужами, яркой зеленью и более густыми запахами летних цветов. Перепрыгнув очередную лужу, я пообещала себе, что на Олимпиаду попаду обязательно. Я не могла четко и конкретно сформулировать, зачем мне туда надо – тянуло интуитивно. А раз так – значит туда попасть я должна обязательно!

А завтра с утра нужно зайти на Механизаторов, и, если там будет Горшков, надо брать его за жабры и тащить в ЗАГС. На работу опоздаю, конечно, но с Аллочкой договорено, если что – подстрахует. Иван Аркадьевич ругаться не будет, остальное – переживу.

Задумавшись, я незаметно добралась на улицу Вороши-

лова, дом 14.

– Простите, это вы Горшкова из 21 квартиры? – прозвучал женский голос за спиной.

– Да, я, – ответила я и развернулась, чтобы рассмотреть собеседницу.

– Ах ты ж, дрянь такая! – рассмотреть я не успела, так как женщина дико заверещала на всю улицу и уцепилась мне в волосы.

Глава 5

Я попыталась отцепить орущую тетку от себя, право волосы у меня еще не отросли и пальцы ее легко соскальзывали.

– Мразь! Дрянь! Разлучница! – надрывалась тетка, перейдя на ультразвук.

– Женщина, вам плохо? – попыталась урезонить ее я, – успокойтесь...

Но тщетно. Дамочка продолжала истошно вопить практически на одной ноте, а затем вдруг решила меня пнуть, но промахнулась.

Тут нервы мои сдали, и я со всей дури залепила ей оплеуху. Голова тетки дернулась, и сразу стало так тихо, что было слышно, как скрипят качели на детской площадке в соседнем дворе.

Пока дамочка хватала щедро покрашенным ртом воздух, я успела ее рассмотреть: возраст «баба-ягодка», с бараньей прической, необъятным задом и двумя подбородками, тем не менее одета она была дорого и добротню.

– Так, а теперь извольте объясниться, – припечатала я суровым голосом. – а то полицию... то есть милицию вызову!

– Правильно! Участкового надо звать! – донеслось сзади.

– Безобразие какое!

– Во дворе уже спокойно пройти нельзя, чтобы не убили!

– Хулиганье!

Я оглянулась – к нам начали активненько подтягиваться соседи. Старушки-веселушки из подъездного десанта взволнованно проталкивались сквозь жидкую толпу, расстроенные, что пропустили самое интересное. Из окон тоже выглядывали любопытные. В толпе на заднем плане мелькнуло растерянное лицо Риммы Марковны.

– Ну, так что? – спросила я, – будете объясняться или зовем участкового? Нападение, причинение телесных повреждений, хулиганство... при свидетелях... на статью вы себе уже насобирали.

– Лес валить будет, – гыгыкнул в толпе кто-то. На него сердито зашикали.

– Разлучница! – неуверенно заявила тетка и всхлипнула.

– Обоснуй, – потребовала я.

– Да ты! Да ты! – тетка набрала полную грудь воздуха и приготовилась заорать.

– Товарищи... – требовательно раздался голос Ивана Тимофеевича. Он как раз тоже вернулся домой и стал свидетелем этой отвратительной сцены. – Что тут у вас случилось? Гражданка, вы почему порядок нарушаете?

– Это она! – тыкнула пальцем в меня тетка, – мужа моего из семьи уводит.

Вот так Лидочка! Хотя у тетки позднее зажигание, наверное, так как я здесь чуть больше месяца и, точно ничего ни с кем не было... Но, может, раньше, до моего попадания?

– Лидия Степановна? – Иван Тимофеевич круто развер-

нулся ко мне и даже очки нервно снял, но потом одел обратно. – Объясните, что здесь происходит, пожалуйста.

Я пожалала плечами и обратилась к тетке:

– С чего вы взяли, что это я увожу вашего мужа? И, кстати, кто ваш муж?

– Но ты же Горшкова! – сказала тетка. – Проживаешь на улице Ворошилова, дом 14, квартира 21. Сама сказала.

– Стоп. А имя у мужа есть?

– Лёвушка... Лев Юрьевич...

– Что еще за Лёвушка? – переспросила соседка Наталья.

– Баба Варя называет его «опиус», – прояснила я.

– А-а-а-а, – понятиливо заулыбались соседи, – знаем-знаем такого.

– Значит все подтверждают, что ты, тварь, сношалась с моим мужем?! – зарычала тетка и опять сделала попытку уцепиться в меня, но была мягко оттеснена соседями.

– Гражданка, послушайте, – наконец сообразил Иван Тимофеевич и поморщился, – произошла какая-то путаница.

– Да какая там путаница! – заорала тетка трубным голосом. – Разлучница она! И что он в тебе нашел только?! Ни кожи, ни рожи!

Вот сейчас прям аж обидно стало.

– Да нет же! Ваш муж действительно ходил сюда. Но только раньше здесь жила Ольга Горшкова. А это – Лидия Горшкова, жена ее брата.

– Так он что, к обоим ходил? – захлопала глазами тетка.

– Ходил он к Ольге Горшковой, но она уже здесь не живет.

Общими усилиями удалось растолковать супруге Льва Юрьевича, что она ошиблась. Римма Марковна не удержалась и злорадно подсказала новый адрес Ольги, в переулке Механизаторов.

Наконец, нервная дамочка ретировалась. Передо мной она, кстати, так и не извинилась. А я решила, что пришла пора лично встретиться с Львом Юрьевичем. И чем быстрее, тем лучше.

Появилась тут у меня одна мысль...

– Сколько проблем от этих Горшковых! – возмущенно фыркнула Римма Марковна, ловко начищая кашицей из соды и уксуса очередную тарелку в большом тазу.

У нас этим вечером была «генеральная» мойка: мы перемывали всю посуду, точнее чистила и ополаскивала Римма Марковна, а я перетирала полотняным полотенцем и раскладывала на столе для сушки.

– Творческие люди, – не удержалась и поддакнула я, аккуратно расставляя фужеры так, чтобы они сохли быстрее.

– Надеюсь, она Ольгу придушит, и я смогу вернуться домой, – продолжила нагнетать Римма Марковна, искоса поглядывая на меня. – Плохо протерла, Лида, смотри – стекло тусклое и в разводах. Возьми лучше газетой.

– А зачем вам возвращаться, Римма Марковна? – я поменяла влажное полотенце на сухое и продолжила упрямо на-

тирать гадские фужеры, которые все равно были тусклые. – Чем вам плохо жить здесь? У вас отдельная комната, все удобства, и соседи приличные.

– Вот так ты будешь их до ночи натирать, – проворчала Римма Марковна, но голос был довольный.

– Газетой не хочу, – отмахнулась я, – там свинец, это вредно.

– Ну и что, что свинец? – удивилась соседка, – всю жизнь все так делали. И не помер еще никто.

Я не стала читать лекцию о вреде тяжелых металлов и накопительном эффекте, зато поставила себе зарубку написать об этом в следующей заметке.

– Надеюсь, она Ольге волосья-то повыдирает, – позлорадствовала Римма Марковна, – подай-ка вилки.

Я достала из ящика столовые приборы и протянула соседке:

– Держите.

Римма Марковна замочила их в корытце с мыльной водой и сказала:

– Теперь из «гостевой» полки все давай. Сейчас быстренько отмоем и на сегодня пока все.

– А ко мне жена Ольгиного бывшего приходила, – сообщила я, осторожно протягивая наши «парадные» стаканы из тонкого чешского стекла, с золотистой каемочкой.

– А этой чего надо?

– Хочет, чтобы я забрала Светку, – сообщила я сквозь гро-

хот: Римма Марковна ахнула и уронила стаканы, так что сотни осколков веером разлетелись по всему полу.

Остаток вечера я сидела в своей комнате и читала учебник по истории СССР для десятого класса. Как раз дошла до параграфа пятьдесят семь, где говорилось про борьбу за социалистическую индустриализацию, как в дверь постучались и заглянула Римма Марковна с большой чашкой в руках.

– Что учишь? – издалека начала она и протянула чашку мне. – Я тебе компотик принесла. Вишневый, как ты любишь.

– Первый пятилетний план изучаю, – пожаловалась я и устало потерла глаза, я запланировала сегодня дочитать до второй пятилетки, но чувствовала, что не успею, спать хотелось невероятно, а утром нужно встать пораньше, чтобы заловить Горшкова дома. – Компотик, это хорошо. Спасибо.

– Хорошее было время, – мечтательно зажмурилась Римма Марковна и лучики морщинок пробежали по ее лицу.

– Почему хорошее? – удивилась я, сколько помню, у нас все деятели по телевизору постоянно ругали то Сталина за диктатуру, то забугорные страны, что те не проявили настойчивости и проиграли, а тут очевидец тех лет совсем наоборот говорит.

– Ты понимаешь, – улыбнулась Римма Марковна, – мы же тогда научились мечтать. Мы расправили крылья и поняли, что можем сами выбирать как жить...

– Но я слышала, что и паспорта крестьянам не давали, чтобы они в колхозах работали, и вагонами в Сибирь их загоняли... много чего...

– Знаешь, – покачала головой Римма Марковна, – у нас на курсах один профессор был, лингвистическую типологию вел, молодой еще совсем. Так вот он в школу смог пойти в десять лет только, потому что сапог не было – он шестой, самый младший, в семье, мать родами умерла, остался отец и бабушка. И ему пришлось ждать, пока старший брат вырастет и ему сапоги по наследству перейдут. А после школы он в селе на коровнике работать стал, а потом заметку в областную газету по народному фольклору написал. И его без экзаменов в институт взяли, комнату в общежитие дали и стипендию. А потом уже он сам в науку дальше пошел. И такой он не один был. Кто хотел учиться и менять свою жизнь – и учились, и жизнь меняли. Появились возможности, понимаешь? Могло ли такое быть при царизме? То-то же...

Я задумалась, не верить Римме Марковне у меня причин не было, но вбитые еще с прошлой жизни шаблоны начали противоречить, и я еще больше запуталось.

– А скажите, Римма Марковна, – спросила я, – хотели бы вы вернуться обратно в то время?

– С превеликим удовольствием, – улыбнулась соседка.

Я зависла, переваривая информацию.

– Слушай, Лида, – вкрадчивым голосом вдруг сказала Римма Марковна и я напряглась. – Я тут подумала... а заби-

рай-ка ты Свету к нам. Ты все время на работе, занята, это понятно. А мне все равно делать нечего, вот и буду ее воспитывать. Своих детей и внуков бог не дал, ты тоже не торопишься, так хоть ее поднимем. А то нехорошо это, когда при живых родителях дитя в детдоме будет...

Я промолчала.

Утро было ... как бы это помягче сказать... ранним и преждевременным. Небо с одной стороны уже порозовело, а с другой все еще оставалось мутно-серым, в котором робко догорали последние звезды. От росы было сыро и зябковато. Запах гудрона с соседней стройки перебивал сладковатый аромат листьев ивы.

У подъезда под кустом калины на лавочке понуро дремал Петров почему-то в плюшевой жилетке на голое тело и застиранных цветастых труселях. В руках он держал скрученную толстой колбаской газету, которую бережно прижимал к животу.

Я подошла ближе – с куста порхнула заполошная птичка, обдав Петрова холодными росяными каплями, тот всхрапнул, с присвистом, однако не проснулся, и машинально прижал газету еще крепче.

– Федя, – осторожно позвала его, чтоб не напугать.

– Чо? А? – подхватился тот и ошалело закрутил головой.

– Доброе утро.

– А-а-а, Лидка, это ты, – узнал меня Федор, заодно шед-

ро обдав крепким многодневным перегаром.

– Ты что тут делаешь? – спросили мы друг друга одновременно и замолчали.

Где-то вдалеке, со стороны предместья, прокричал одинокий петух, но его голос тут же утонул в грохоте трамвая.

– Сплю я тут, – пояснил Петров и потер заросший густой щетиной подбородок. – А ты?

– К Горшкову вот пришла. А почему ты на улице спишь?

– Ты что, думаешь, я тут из принципа сижу? Или из-за отчуждения от общества и тотального одиночества, а?! – сердито вскинулся Петров и пожаловался, почесываясь. – Все проще, Лидка. Ключ я где-то потерял. Раньше у нас под ковриком всегда запасной был, а теперь вот нету.

– А ты постучаться не пробовал? – хмыкнула я.

– Так нету же дома никого! – досадливо крикнул Петров, – Грубьякины на дачу на все лето умотали, я Ольгу ждал, думал, она придет, а она опять всю ночь где-то шляется...

– А Горшков?

– Да заболел твой Горшков, – зевнул Петров и поёжился.

– Я знаю, что заболел, – перебила я, – но он же дома. Мог бы открыть.

– А и нет его дома, – начал аккуратно разворачивать газету Петров. – У мамышки своей отлеживается.

– А что с ним такое? – осторожно спросила я.

– Да перелом, вроде, – пожал плечами Петров и вытащил из газеты начатую бутылку портвейна. – Клопомор будешь?

– Не, мне на работу, – отмахнулась я.

– А я вот буду – хмыкнул Петров и надолго присосался к горлышку, прислушался к себе, а затем с умиротворенным видом выдал. – Чарка вина не убавит ума!

– Федь, и что, ты тут теперь весь день сидеть будешь? – забеспокоилась я, – Ольга может и на неделю загуляла. А ты теперь как?

– Да нормально, – опять зевнул Петров, – сейчас уже Михалыч со смены вернется – откроет.

– А у него разве ключ есть? – удивилась я.

– Вот бабы дуры, прости господи, – покачал головой Петров, – слесарь он.

Честно говоря, расстроилась я капитально. С Горшковым надо решать. Дальше тянуть некуда. Но вот встретаться с «высококчтимой» Элеонорой Рудольфовной неохота до крика.

Я выяснила у Петрова адрес лидочкиной свекрови и быстренько распрошалась. После работы наведуясь.

Глава 6

Десятая пятилетка потихоньку закруглялась, но высшее образование все еще было необязательным. Для нормальной жизни большинству вполне хватало техникума, а многим и школы. Лидочка Горшкова исключением не была. Согласно диплому, она блестяще, всего-то с двумя четверками (по пению и по охране труда) закончила провинциальный железнодорожный техникум. По всем же остальным предметам, Лидочка была круглой троечницей.

Поступать в ВУЗ с таким неубедительным дипломом мне казалось сомнительным, но Иван Аркадьевич обещал посодействовать. В плюс шло и целевое направление от руководства депо «Монорельс».

Так что я надеялась.

Но при этом готовилась капитально.

Времени оставалось все меньше и меньше, и я до того обнаглела, что даже на работу теперь таскала учебники, чтобы почитать в свободную минутку. Что любопытно, коллеги не раз меня засекали, когда я, к примеру, штудировала учебник Розенталя на рабочем месте, но не осуждал никто: стремление к учебе приветствовалось и преступлением не считалось.

Это утро я решила посвятить творчеству Колмогорова, так как пачку приказов по планированию перевозок еще не

принесли, и примерно минут сорок у меня в запасе было.

Я как раз героически пыталась победить тригонометрические функции, когда явился мой фан-клуб (так я их про себя начала называть, после того, как они взяли на себя работу с письмами моих читателей).

– Лида! Ты не представляешь! – с порога заявила Репетун и я напряглась.

– Да! – кивнула Максимова и я, мысленно плюнув на все эти тангенсы и тождества, отложила учебник и задала провокационный вопрос:

– Что случилось?

Шлюз открылся и на меня хлынул информационный поток. В общем на обычные письма Максимова и Репетун отвечали вполне прилично, но попадались вопросы, которые ставили их в тупик.

– Ну, вот, смотри, – горячилась Репетун, лихорадочно роюсь в толстой пачке раскрытых писем, – Вот оно! Ольга М. из деревни Зюзино спрашивает, «...если я каждый вечер буду мазать «Одуванчиковый» крем для рук, мой Васечка вернется?». И вот что ей я должна отвечать?

– Пиши, пусть чередует с «Ромашковым», – продиктовала я, а Максимова сдавленно хрюкнула.

– А вот слушай, что у меня. Пишет читательница Нина А. из села Муляка, – хмыкнула Максимова:

– «...Доброго дня, дорогая редакция. Я доярка, у меня трое детей. Замужем не была. Я использую, как вы и сове-

товали, репейниковый шампунь, чтобы волосы не секлись. Поэтому волосы у меня стали очень густыми и красивыми. Но Федя все равно жениться не хочет. Что мне делать?..».

– Пусть попробует «Пихтовый», – пожала плечами я и вздохнула.

– Смотри, Лида, тут тебе даже мужчины пишут, – улыбнулась Репетун и помахала измятым конвертом.

– Их тоже крем для рук волнует? – удивилась я.

– Да вроде нет, – хихикнула Репетун и зачитала, – какой-то Сергей Л., спрашивает: «Здравствуйте! Я пользуюсь кремом для бритья «Мыльный» от фабрики «Свобода» и одеколоном «Саша». Но женщины меня все равно не любят и, к тому же, мстят. Вот недавно наш директор похвалил одну бабу с третьей бригады, хотя я работаю лучше. Ей дали Почетную грамоту, а мне – нет. Но я ей ничего не сказал. Борьба с сисястыми соперницами за похвалу самого главного – не моё. И в жизни, и на производстве! Я пишу это в надежде, что в своей рубрике вы развернетесь и начнете давать больше советов нам, мужчинам. А еще я пишу стихи о писателях. Могу прислать почитать...».

– Мда.., – вздохнула Максимова.

– Так что ему ответить? – повторила Репетун с досадой.

– Напиши так, – задумалась я, – «Сергей, вы, конечно, большой молодец, писать стихи – это хорошо. И одеколон «Саша» – тоже хорошо. Но попробуйте понять, что каждому – свое, перестать обижаться на женщин и винить их во всех

своих неудачах».

– Погоди, это не все, – Максимова зачитала еще какое-то письмо. – Письмо от Маши О. «...месяц назад мы с Алёшей поженились и живем у его родителей. Квартира двухкомнатная, там еще живут его старшая сестра и бабушка. Я делаю маски для роста волос из натертого лука, а они говорят, что воняет. Уважаемая редакция, как мне убедить их, что это полезно?...».

– Пусть попробует чесночный ополаскиватель и через три дня они ее сами попросят вернуться к луковым маскам, – закатила глаза я.

– Тебе всё шуточки, а человек, между прочим, совета спрашивает, – укоризненно посмотрела на меня Максимова.

– А переехать в отдельную квартиру Маша с Алёшей не пробовали? – зависла я и Репетун с Максимовой взглянули на меня, как на дурочку. И тут я поняла, как много об этом времени мне еще предстоит узнать...

Наше совещание продолжалось добрых полчаса: поток жаждающих «волшебных» знаний, которые моментально решат все их проблемы, не иссякал. Наконец, все затруднения читателей мы преодолели, на письма ответили, коллеги ушли, а я задумалась. Машинально раскрыла учебник, но мысли витали далеко и от синусов, и от косинусов.

Из мечтательно-созерцательного состояния меня вывел приход Зои Смирновой.

– Лида! – сказала она, многозначительно посмотрела на меня и протянула коробку с каким-то хламом. – Вот!

Я удивилась:

– Это что?

– Календарики, настенные календари, тематические значки, статуэтки и сувенирные альбомчики для рисования... много всего, в общем...

– Зачем?

– Мы же с тобой вчера про делегацию на Олимпиаду говорили, – надулась Зоя и прижала коробку к груди.

– И что?

– Вот я тебе первой все и принесла! Выбирай. В счет зарплаты.

Я окинула все это «богатство» взглядом. Выбирать было откровенно нечего. И не потому, что плохо исполнено, просто я копить лишнее барахло не люблю.

Еще в моей прошлой жизни, когда мы только-только начинали ездить в Египетско-Турецкий туристический округ, мы там с азартом гребли все подряд: магнетики, чашки с видами пирамид, какие-то статуэтки с котиками и богом Ра. Все это добро мы с упоением коллекционировали, дарили родственникам и знакомым. Считалось неприличным вернуться из отпуска из-за границы и не привезти коллегам по магнетику. И вот в один прекрасный момент концентрация этой дряни у нас дома достигла критического уровня, я разом сгребла все в кучу и вынесла на помойку.

Жить стало легче. А уборка квартиры перестала быть адом.

И вот теперь все заново.

Я заглянула в коробку, среди кучи календариков с олимпийской символикой, карандашиков и пластмассовых игрушек особо выделялись деревянный свисток-дуделка болельщика и ЗиКовская декоративная тарелка «Олимпийские игры-80».

Я посмотрела на барахло грустным взглядом, потом на Зою и сказала:

– Мне каждого, по 10 штук.

– Зачем так много? – округлила глаза Зоя. – Да и дорого.

– Ничего, – вздохнула я, – цель оправдывает средства.

– Слушай, Лида, – сказала вдруг Зоя, – а ты знаешь, чем футбол отличается от гандбола? Или греческая борьба от вольной борьбы?

– Ну... – попыталась ответить я. – Там есть нюансы... какие-то...

– Вот, – вздохнула Зоя, – не знаешь.

– И что с того?

– А то, что ты всем этим вообще не интересуешься, – продолжила развивать тему Зоя, – И все остальные также... и ты знаешь, Лида, мне иногда кажется, что большинство так рвется на эту Олимпиаду, чтобы посмотреть на иностранцев, а не на игру.

Я не нашлась, что ответить.

Зоя ушла, а я вернулась к учебнику Колмогорова, но сосредоточиться не могла, мысли разбегались. Взгляд зацепился за высохший фикус на подоконнике, поливать было лень. За окном пели птички, светило солнышко, в общем, всем было хорошо, только у меня на душе было как-то не по себе.

Когда на душе досада, как говорила моя бабушка, нужно выпить стакан крепкого сладкого чаю и все пройдет. Я налила в чашку воды, опустила туда кипятильничек, включила в розетку и попыталась понять, что же меня так бесит? Прогнав все события сегодняшнего утра в голове, поняла – я категорически не хочу поступать в политех. Понимаю, что это идеальный вариант – но вот не хочу и всё! И учиться там будет сложно и мне не интересно, и в карьере это мне не сильно поможет. По старой привычке, я люблю делать что-то так, чтобы за раз получать сразу несколько результатов. Ибо человек ленив, а значит, должен мыслить стратегически, дабы лишний раз не напрягаться.

Припомнив разговоры с фан-клубом, я поняла, куда надо поступать: на психолога. Эта ниша в нынешние времена почти не занята, то есть советская медицинская психология, конечно же, рулит, а вот обычная, социальная – в глубоком пролете. Информацию люди почитать в интернете не могут, а что делать – не знают. Отсюда такие глупые вопросы в письмах, неумение простых людей анализировать и выделять в проблемах главное от второстепенного.

Я задумалась, где же я могу выучиться на психолога? Поступить в мед Лидочке с ее тройками и железнодорожным дипломом не светит, да и не хочу я работать в психушке, там через пару лет сама бросаться на стены или на людей стану – профдеформация и все такое.

Остается единственный для меня вариант – у нас в городе есть пединститут. Там в том числе учат разным психологиям, и довольно много. Я пролистала справочник абитуриента: так, в нашем пединституте четыре факультета. Исторический сразу отпадает – ездить на практику по раскопкам и откапывать мумии эпохи энеолита – не мое. Биофак тоже мимо: собирать всяких пиявок и паучков – боюсь, а сажать цветочки лениво. Вон у меня даже фикус на подоконнике засох. Физмат – не осилю. Остается дошфак, т.е. – начальное образование. Ну, а что, учиться там легко, можно даже экстерном попробовать, диплом получу быстро, и сразу примусь делать карьеру с вертикальным взлетом! А работать в депо «Моно-рельс» с дипломом пединститута вполне можно, карьере это не помешает.

Вот так я размечталась, пока не прибежала запыхавшаяся Галка с пачкой приказов по планированию перевозок...

Рабочий день закончился, и я вышла из здания депо «Моно-рельс», свернув на параллельную улицу. Путь мой был не близок и лежал к дому дражайшей лидочкиной свекрови – Элеоноры Рудольфовны.

Пришла пора разобраться с Горшком.

Дом, где жила Элеонора Рудольфовна был старинный, добротный, еще дореволюционной постройки в стиле псевдоампир. Я вошла в просторный, пропахший торжественными ароматами вестибюль, поднялась по монументальной лестнице из белого мрамора на второй этаж и застыла перед обитой темным добротным дерматином дверью.

подавив малодушное желание убежать, я нажала на кнопку звонка. Где-то внутри квартиры раздалась переливистая птичья трель. Через пару мгновений дверь распахнулась, и я получила удовольствие лицезреть Элеонору Рудольфовну лично.

Увидев меня, лицо лидочкиной свекрови перекопилось и она, схватившись за грудь, закричала:

– Ты!

– Да, это я, – скромно кивнула я. – Здравствуйте, Элеонора Рудольфовна.

– Да как ты посмела?! – заверещала хозяйка квартиры, проигнорировав элементарную вежливость.

– Валерия позовите, – сказала я, но похоже мое появление произвело на нее столь неизгладимое впечатление, что она продолжила орать:

– Мерзавка! Пришла! В мой дом!

– А ну, тихо! – тоном прапорщика Петренко рявкнула я.

От неожиданности Элеонора Рудольфовна заткнулась и

наступила тишина.

– Горшков где? – спросила я, и, не став дожидаться ответа, отодвинула ошалевшую лидочкину свекровь и прошла в гостеприимно распахнутую дверь.

Внутри резиденция лидочкиной свекрови напоминала скорее нору хомяка. Остро пахло валерьянкой, кошачьей мочой, куриным бульоном и духами «Пиковая дама». Я чуть не задохнулась, поэтому дышать пришлось ртом, а не носом.

Бесконечно натываясь на какие-то то ли коробки, то ли торшеры, я прошла сквозь темный узкий коридор, и распахнула первую попавшуюся дверь.

Это оказалась спальня. На огромной кровати, среди нагромождения подушек и подушечек, с видом Принца Датского, возлежал лидочкин супруг – Валерий Анатольевич Горшков. Меня он сперва не заметил, так как сосредоточенно вкушал черную икру маленькой ложечкой из хрустальной розетки.

– Горшков, – сказала я просто, не здороваясь.

Вместо ответного приветствия, лидочкин супруг вдруг закашлялся, подавившись черной икрой.

Глава 7

Горшков кашлял, отплевываясь черной икрой, а я смотрела на его багровое от натуги, округлившееся лицо, на туго обтянутые сатиновой пижамой стати, и было противно. Одна нога его была в гипсе. Вторая – в вязаном носочке в розовую и синюю полоску.

Наконец, откашлявшись, Горшков вдохнул воздух, брезгливо отбросил мельхиоровую ложечку, и с натугой просипел:

– Ты-ы-ы...?

Отрицать очевидное было глупо, поэтому я просто кивнула.

– Что-о тебе надо?! – возмущенно вскинулся лидочкин почти бывший супруг и взмахнул пухлыми парафиновыми руками.

– Развод. – Жестко припечатала я.

– Эм-х-м-х-м..., – сокрушенно промычал Горшков и с внезапной надеждой покосился мимо меня.

Поневоле я обернулась: за спиной торчала встревоженная Элеонора Рудольфовна, чутко прислушиваясь к нашему разговору.

Встретившись со мной взглядом, лидочкина почти бывшая свекровь осознала, что ее засекли и ринулась спасать Горшка с отчаянием курицы, которая защищает цыплят от злобного коршуна (в данной аллегории роль злобного кор-

шуна, однозначно, отводилась именно мне).

– Мерзавка! Посмела прийти! Вон отсюда! – заверещала она.

– Так! – сказала я, сграбастала ее за шиворот стеганного халата и вытолкнула за дверь.

Дверь со стуком захлопнулась, и из коридора донеслись возмущенные крики. Потом забарабанили.

Мне было уже плевать.

Окончательно поправ этикет и пренебрегая родственными чувствами, я круто развернулась и нависла над Горшковым, который все это время глупо хлопал глазами и не делал никаких попыток разрулить ситуацию хоть как-то.

– Горшков! – гаркнула я.

Горшков икнул и затравленно посмотрел по сторонам.

Но на этот раз никто не пришел ему на помощь, и я продолжила давить, еще более грозно:

– Ты зачем, скотина, заявление о разводе забрал?!

Горшков побледнел и сник.

– Ты почему меня в известность не поставил, гад?!

Горшков покраснел и машинально подтянул одеяло повыше, к подбородку.

– С какой стати ты единолично принимаешь решение, за меня?!

Во время этой тирады лицо Горшкова менялось от бледно-синеватого до ярко-пунцового и обратно, словно у пугливой камбалы или хамелеона. Отвечать он явно не собирался,

поэтому я продолжила, с нажимом:

– Горшков, мы все равно разведемся, хочешь ты этого или нет. Не желаешь по-хорошему – пойдешь через суд. Осознай своей тупой башкой – для тебя это хреновый вариант! Это плохо повлияет на твоё вступление в Партию! Уж я прослежу!

(о своих партийных планах я скромно умолчала).

Горшков побледнел опять.

– Так, – я раскрыла сумочку и вытащила блокнот. Горшков наблюдал за мной с все возрастающим беспокойством.

Выдрав из блокнота листок, я швырнула его в Горшкова:

– Пиши!

– Что? – дернулся почти бывший лидочкин супруг.

– Заявление пиши! – рявкнула я.

– Ручки нету, – с плохо скрываемым злорадством сообщил Горшков.

Я раздраженно раскрыла сумку и заглянула внутрь – черт, ручки не было. Твою ж мать, на работе забыла!

– Где у тебя ручка? – спросила я.

– А, нету, – с нескрываемой насмешкой развел руками Горшков и глумливо ухмыльнулся.

– Сейчас своей кровью писать будешь, – тихим свистящим шепотом пообещала я.

Горшков ощутимо напрягся и его усы недовольно оцетинились.

За дверью вновь послышалась возня. Я рывком ее распах-

нула и рявкнула:

– Дайте ручку!

– А вот тебе! На! – нервно хохотнула милейшая Элеонора Рудольфовна и ткнула мне в лицо сморщенный кукиш. – Выкуси!

Я вновь захлопнула дверь перед ее носом и развернулась к Горшкову. Сказать ничего не успела, так как Элеонора Рудольфовна начала барабанить опять. Мои нервы сдали, и я открыла:

– Мамо, – сказала я ей, глядя прямо в выцветшие глаза. – Вот вы, сейчас что творите?

– Изгоняю мерзость из дома! – выкрикнула мне в лицо она, с вызовом.

– Меня то есть? – переспросила я тихо.

Элеонора Рудольфовна ощерилась.

– Тогда объясните, почему Валерий не дает мне развод? – просто спросила ее я, – Пусть ваш сын подпишет заявление, которое он единолично забрал из ЗАГСа, и я уйду из вашей жизни навсегда.

– Не подписывай! – взвизгнула Элеонора Рудольфовна, глядя поверх меня.

– Почему это? – пыталась понять я. – Из-за квартиры? Так в ней уже приписана я, Римма Марковна, моя мать и двоюродный дядя из Бердычева с семейством.

Элеонора Рудольфовна и Горшков растерянно переглянулись.

– Кроме того, сейчас там уже живет несколько человек, а с осени приедут жить студенты из моей деревни, – продолжила перечислять я, – мы всегда в деревне помогаем всем родственникам.

– Ты не имеешь права, – возмущенно протянула Элеонора Рудольфовна. – Вы не развелись, и квартира принадлежит мужу.

– Да прям! – хмыкнула я, – он там даже не прописан. Квартира досталась мне по завещанию от тетки. Еще до замужества! Любой суд меня поддержит.

Я точно не знала законов этого времени, поэтому блефовала, как могла.

– Валерий женился на тебе, перестарку, – вдруг выпалила дрожащим голосом Элеонора Рудольфовна, покрывшись красными пятнами, – а ты, вместо благодарности, теперь нам нервы мотаешь и перед людьми позоришь!

– Возможно, – пожала плечами я, – но ваш дорогой Валера сделал мою жизнь настолько невыносимой, что кроме развода, я от него больше ничего не хочу!

– Дура, – сказал Горшков и надулся.

– И вот что мне интересно, – продолжила я, не обращая на него внимания, – дорогая мамО, вот вы, когда все это затеяли, вы чем думали? Ну, пристроили сыночка, потом запугали, загнобили невестку, а дальше что? Теперь невестки у вас не будет.

– И хорошо, что не будет! – брезгливо скривилась она,

руки ее подрагивали.

– Да. Для меня – хорошо. А вот для вас, мамО? – вздернула бровь я. – Вы-то стареете, и чем дальше, тем сил будет меньше. Неужели вы думаете, что вас досмотрят ваши «творческие» избалованные детки?

– Не тронь моих детей! – прорычала старуха и морщинистое лицо ее перекопилось от злобы.

– Да сдались они мне, – отмахнулась я.

– Тебе до них никогда не дорасти! – гневно заявила она, – Ничтожество!

– Это уж точно, – хмыкнула я и не удержалась от мелкой мести. – А известно ли вам, дорогая мамО...?

– Не называй меня так! Я тебе не мама! – закричала она.

– И то правда, – кивнула я, – так вот, известно ли вам, дорогая Элеонора Рудольфовна, что ваш горячо любимый и творческий сынуля играет в карты на крупные суммы денег? Очень крупные, там не одна сотня рублей проигрывается. И не две. И не пять даже.

– Ты опять? – взревела Элеонора Рудольфовна, бросилась к Горшкову, схватила его за бары и принялась трясти. – Ты же обещал!

– Но мама... – проблеял Горшков, отстраняя мать и попытался зарыться в подушки.

– А известно ли вам, что ваша творческая дочь Олечка сбагрила вашу внучку в детский дом, а сама спуталась с женатым мужиком? – не унималась я, – и что все соседи это

видят... и что жена этого мужика уже узнала и прибежала ловить ее? А вы в курсе, что Ольга почти не ночует дома...?

От каждой новости Элеонора Рудольфовна бледнела все больше. Наконец, ее глаза закатились, и она со стуком кулём рухнула на пол.

– Убийца! – тоненько и неуверенно заверещал Горшков, с ужасом глядя на меня.

Я подошла к свекрови и потрогала венку на шее, та билась.

Обморок.

Ну и хорошо, пусть полежит, отдохнет, а мы пока порешаем с супругом семейные дела без посторонних.

– Так, – сказала я и повернулась к Горшкову. – Подписывай давай.

– Так нету ручки же, – злобно ответил Горшков и полусвесился с кровати, пытаясь рассмотреть лидочкину свекровь на полу. – Что с матерью?

– Умерла, – улыбнулась я и добавила, – так что ты у нас теперь сиротинушка.

Горшков выпучил глаза и бессильно откинулся на подушки.

– Ручка... ручка... где же ты, ручка... – фальшиво бормоча под нос на манер песенки, я подошла к явно антикварному пузатому шкафу и распахнула его. Дохнуло спертым запахом нафталина и разложившихся сладковатых духов. Барахла там было напихано, дай боже, (пришлось перерыть ку-

чу одежды, штосы постельного белья, какие-то батистовые тряпки, помпоны, полотняные скатерти с вензелями и монограммами), но ручки, увы, не было.

Я вернулась к английскому секретеру темного дерева, инкрустированному то ли малахитом, то ли подделкой под малахит (я склоняюсь к первому варианту), и стала заглядывать во все ящики и ящички. Там все пространство тоже было забито всевозможным хламом, начиная от затертых квитанций и пустых пузырьков от духов, заканчивая жестяными коробками с пуговицами и пухлыми альбомами в обложках из облезлого бархата.

Барахла было очень много. Поэтому я поступила просто – вытаскивала ящички и вываливала оттуда хлам прямо на пол. Минут пять таких упорных поисков, в конце концов, увенчались успехом – на пол выпал обычный школьный пенал с карандашами и ручками.

Вытащив первую попавшуюся, я швырнула ее в Горшкова:

– Пиши, тварь!

– Не буду, – заорал в ответ Горшков, дав петуха на последней ноте. – Ты мать убила и сядешь!

– Ах ты ж, сука! – взбеленилась я. Нервы мои сдали, под руку попала какая-то увесистая книга, я схватила ее, подлетела к лежащему на кровати Горшку и принялась его лупить, куда видела.

Тот сопротивлялся, но мой гнев был столь сильным, что

я лупила и лупила, не разбирая ничего.

Не знаю, если бы рука сильно не устала, я, может быть, даже убила бы его в тот момент. Остановилась только тогда, когда из носа Горшкова обильно полилась кровавая юшка.

– Пиши! – прошипела я, пытаюсь отдышаться. Спина была мокрая, руки аж отваливались.

Горшков с ужасом глядел на меня, пытаюсь прикрыть голову и лицо парафиновыми руками в багровых разводах.

– Пиши, я сказала! – заорала я и залепила ему оплеуху.

Его голова дернулась.

Горшков взвизгнул, схватил мятый листок и принялся торопливо писать дрожащими руками, постанывая и утирая кровавые сопли тыльной стороной ладони...

Я с отвращением отшвырнула орудие мести – книгу. Она отлетела, ударившись об стенку и упала, раскрывшись. Оттуда вывалились старые фотографии и какие-то письма, бумажки.

Пока Горшков карябал заявление о разводе, я подошла к барахлу и брезгливо поворошила носком ботинка. Фотографии были в ужасном состоянии, словно по ним прошла рота солдат в грязных сапогах. Я присмотрелась – на одном из выцветших фото, явно свадебном, в длинной пышной фате и веночке из листьев, было лицо Лидочки Горшковой, только очень-очень молодое. Рядом, нежно держа ее за руку, сидел такой же молодой, лопоухий парень.

И это был не Горшков.

Я схватила все выпавшие бумажки и фотографии, пихнула кучей в сумку, и развернулась к Горшкову с недоброй улыбкой...

Из подъезда я вышла, продолжая злобно улыбаться.

В моей старенькой дерматиновой сумочке с потертой ручкой лежало заявление гражданина Горшкова В.А. на развод с гражданкой Горшковой Л.С., а еще странная фотография.

Глава 8

– Вот, полюбуйтесь! – я помахала изрядно измятым листком перед лицом Риммы Марковны. – Валерий Анатольевич Горшков подписал заявление на развод! Лично!

– Да ты что? – удивилась она, – как это тебе так удалось?

– Я была убедительна, – скромно сказала я и не стала вдаваться в излишние подробности.

Мы сидели с Риммой Марковной на кухне. Теплый вечер осторожно заглядывал в распахнутое окно, мягко шевелил занавески. Со двора то и дело раздавались азартные возгласы, смех – там соседские мужики вовсю играли в домино. Сверху, с балкона над нами, слышался строгий методичный голос Норы Георгиевны, она воспитывала Лёлю. Откуда-то сбоку лилась мелодия из передачи «В мире животных», там смотрели телевизор. Снизу доносились сладкие клубничные ароматы – соседка Наталья варила варенье. Ну, а мы просто сидели на кухне и мирно лепили пельмени.

Лепка пельменей, вместе с медитациями и вязанием крючком, считаются в буддизме идеальными способами, улучшающими карму практически вертикально (эх, если бы только преступники знали этот способ вырваться из колеса сансары...!).

Римма Марковна проворно подхватывала очередной тонюсенький кружочек теста, ложечкой клала туда боль-

шой, источающий умопомрачительно-вкусные запахи, луково-мясной комок начинки, и практически одним, неуловимо ловким движением, залепляла все в аккуратненькую розеточку, напоминающую свиное ухо.

У меня получалось не столь расторопно, однако я прилежно старалась.

– А со Светкой что? – задала вопрос Римма Марковна, раскатывая следующий кусок теста, но звонок в дверь не дал мне ответить.

– Сиди, сиди, я сама открою, – велела мне она и поспешила в коридор, на ходу вытирая полотенцем испачканные в муке руки.

С недавних пор Римма Марковна поняла, что вокруг меня периодически творятся занимательные вещи, и, будучи по натуре человеком неумно-любопытным, не захотела оставаться в стороне, поэтому настойчиво пыталась сунуть нос везде, где только можно.

Я осталась на кухне: меланхолично шлепнула комочек начинки на тесто и принялась осторожно залеплять края, как вдруг бубнящие звуки, которые доносились от входной двери, начали набирать обороты и переросли в ругань.

Со вздохом бросив недолепленный пельмень, я выскочила в коридор. Там, подбоченясь, стояла сердитая Римма Марковна и что-то выговаривала не менее сердитой Элеоноре Рудольфовне.

Капец.

Что-то вечер перестает быть мирным.

Но и скрываться смысла не было, тем более Элеонора Рудольфовна меня уже увидела.

– Вот! – закричала она, и тоже, как давеча я, помахала у Риммы Марковны под носом мятой бумажкой.

Дежавю прямо какое-то.

– Это что? – спросила я (хотя и так было все ясно).

– Заявление! – выпалила Элеонора Рудольфовна и с видом победителя посмотрела на меня.

– Неужели? – покачала головой я, округлив глаза, – вот видите, Римма Марковна, Валерий Горшков настолько аккуратный и ответственный человек, что переписал заявление каллиграфическим почерком и отправил Элеонору Рудольфовну заменить старое. Творческий человек, порядочная семья, что тут и говорить...

Элеонора Рудольфовна побагровела, а я хихикнула (ну, не удержалась, бывает).

– Не паясничай, Лидия, – сказали хором Римма Марковна и Элеонора Рудольфовна, и сердито посмотрели сначала друг на друга, а потом – на меня.

Ответить мне не дали, так как в полуоткрытую входную дверь юркнула сначала Лёля, а следом за ней явилась и Нора Георгиевна:

– Добрый вечер, соседи, – категорически вежливо поздоровалась она и рентгеновским взглядом прошлась сначала по мне, потом по Римме Марковне и, наконец, остановилась

на Элеоноре Рудольфовне. – А я слышу, что-то у вас происходит. У вас все в порядке? Я уже подумала, что эта Ольга вернулась, не приведи Господи.

– Что вам моя Ольга?! – взвизгнула Элеонора Рудольфовна и неприязненно посмотрела на Нору Георгиевну.

Но Нора Георгиевна была опытным бойцом и такими экзерсисами смутить ее было нельзя.

– Ах, так вы и есть маман той испорченной девицы? – сморщила нос Нора Георгиевна и демонстративно посмотрела на нее поверх очков, с явным осуждением.

А Лёля грозно твякнула и быстро спряталась за мою ногу.

– А что же Вы отпрысков-то не воспитываете, как полагается советскому человеку? – сурово нависла она над лидочкиной почти бывшей свекровью. – Неудивительно, что здесь не квартира, а кардибалет получился.

– Не смейте! – взвизгнула Элеонора Рудольфовна. – И вообще, вы кто еще такая?! Я вообще-то не к вам пришла, а к этой ...!

– Па-а-а-звольте! – менторским голосом отчеканила Нора Георгиевна, перебивая, – У нас свободное советское общество и порядочным людям можно ходить, где угодно! Я услышала шум и пришла полюбопытствовать, кто здесь нарушает общественный порядок! Имею полное право! И не вам мне указывать, что делать!

Элеонора Рудольфовна не нашлась, что ответить, и только хватала ртом воздух.

– А раз уж вы являетесь родительницей столь непутевой дочери, то извольте выслушать претензии от лица всех соседей! – продолжила напирать Нора Георгиевна, безапелляционно, – соседку снизу ваша дочь трижды заливала, ребенка своего не воспитывала, по ночам пела отвратительно громким голосом и не давала спать соседям!

– Она певица, – попыталась вякнуть Элеонора Рудольфовна, правда неубедительно.

– Это сейчас так называется? – сильно изумилась Нора Георгиевна и сообщила Римме Марковне громким отчетливым шепотом:

– Представляете, Римма Марковна? А вот в наши времена девиц подобного поведения совсем по-другому называли, и в порядочное общество обычно не приглашали, ибо моветон.

– А у нас их называли лоретками, – вспомнила и себе Римма Марковна, поблескивая от радостного любопытства глазами.

– Я на вас в суд подам! – закричала Элеонора Рудольфовна не своим голосом, – за клевету!

– А где тут клевета? – удивилась Нора Георгиевна. – О том, что к вашей дочери женатый мужчина регулярно ходит, все соседи знают. Не единожды видели, знаете ли. А недавно и его супруга приходила, разбираться. Можно и ее позвать, она подтвердит!

Элеонора Рудольфовна побледнела и схватилась за сердце.

– Воспитанием Ольги вы совершенно не занимались, дорогуша, – констатировала Нора Георгиевна, осуждающе качая головой.

– А сейчас она свою Светку в интернат сдала, – тут же наябедничала Римма Марковна, с жутко довольным видом.

– Я смотрю, вас из психушки уже выпустили? – не осталась в долгу Элеонора Рудольфовна.

Римма Марковна побагровела... в общем скандал набирал обороты, всюю.

Обо мне все давно забыли.

Я лишь успевала переводить взгляд с одной дамы на другую.

– Так, а что это здесь происходит? – в дверях появился раздраженный Иван Тимофеевич, а я мысленно взвыла: позаниматься геометрией теперь уже точно сегодня не выйдет.

– Знакомьтесь! – едко ответила Нора Георгиевна и, прищурившись, добавила. – Это мать той непутевой девицы, что регулярно разрушает чужие семьи и заливаает соседей снизу. Пришла сюда, так сказать, восстановить справедливость, насколько это возможно...

– А с какой целью Вы здесь шумите? – перебил Нору Георгиевну Иван Тимофеевич, и та недовольно умолкла, бросая взгляды исподлобья на старшего по подъезду.

– Заявление я принесла, – ядовитым голосом сообщила Элеонора Рудольфовна и для наглядности показала сложенный вчетверо листок бумаги.

– Что еще за заявление?

– В милицию! – ослабилась лидочкина бывшая све-
кровь, – заявление о том, как гражданка Горшкова, Лидия
Степановна, напала на мужа, пребывающего в беспомощном
состоянии по болезни, зверски избивала его и обманным путем
выбила заявление на развод!

Римма Марковна ахнула, а Нора Георгиевна вытаращила
глаза и даже очки не поправила.

– Это правда, Лидия? – удивленно взглянул на меня Иван
Тимофеевич.

– Правда, – пожала плечами я.

– Но как же так? – не мог поверить он.

– Достал он меня, – буркнула я, – дала разок по мордасам,
он разнюнился и написал заявление. Не хочу такого мужа.
Тряпка какая-то, а не мужик...

– Замолчи! – психанула Элеонора Рудольфовна.

– Еще и в карты на деньги играет, – продолжала очернять
светлый образ Валерия Горшкова злобная я. – И на работу
ходит только для галочки...

– В каком смысле для галочки? – спросил Иван Тимофе-
евич.

– На полставки учителем пения в ПТУ он трудится, – про-
должала просвещать соседней я. – Я уговорила его подать за-
явление на развод еще месяц назад, так Элеонора Рудоль-
фовна велела ему забрать.

– Зачем? – удивилась Нора Георгиевна.

– На квартиру эту он претендует, – выложила козырный туз из рукава я.

– Имеет законное право! – зло зыркнула на меня Элеонора Рудольфовна.

На соседей это известие произвело впечатление разорвавшейся бомбы.

– О нет! – схватилась за голову Нора Георгиевна, – певицу еле-еле пережили, так теперь еще один певец наклеивается.

– Но они супруги, – задумчиво почесал затылок Иван Тимофеевич.

– И что, что супруги! – выверилась Нора Георгиевна. – Вам хорошо говорить, Иван Тимофеевич, у вас окна на другую сторону выходят. А мы, на этом пролете, опять все ночи подряд сходить с ума будем? Нет уж! Тем более Лида не желает с ним продолжать жить. У нас, слава богу, давно уже не крепостное право, и мнение женщины учитывается наравне с мнением мужчины!

– Подождите, подождите... – попытался утихомирить разбушевавшуюся соседку Иван Тимофеевич. – А что вы там о побоях в беспомощном состоянии говорили?

Он посмотрел на Элеонору Рудольфовну, и та воинственно расправила тщедушные плечи:

– Валерий тяжело болен, – грустно и торжественно сообщила она и сделала театральную паузу.

– А что с ним?

– Перелом, – пустила материнскую слезинку Элеонора Ру-

дольфовна.

– Ага, палец на ноге он сломал, – тут же влезла Римма Марковна, мстительно.

– И что, что палец?! – возмутилась Элеонора Рудольфовна. – У него гипс! Он не может двигаться. А эта... воспользовалась его беспомощным состоянием и напала!

– Угу... дала по мордасам, – проворчала я.

– В общем так, уважаемая, – прекратил балаган Иван Тимофеевич. – Советую вам с заявлением этим не позориться. Ну, придете вы в милицию. И что дальше? Расскажите, как ваша невестка здоровому мужику оплеух надавала, а он испугался? Не смешите людей.

Элеонора Рудольфовна вжала голову в плечи.

– А по поводу развода, – продолжил развивать тему Иван Тимофеевич. – Я скажу вам так: не лезьте. Захотят – помириятся, а нет – разведутся. Они уже не дети, сами все решат, без вас.

Элеонора Рудольфовна вскинулась в попытке что-то сказать, но ей не дали:

– И с квартирой этой у вас ничего не выйдет! – припечатал Иван Тимофеевич. – Лично займусь этим.

– А они еще мою комнату в коммуналке отобрали, – влезла Римма Марковна, злорадно. – Там теперь эта Ольга живет. Незаконно, между прочим.

– Разберемся и с этим, – кивнул Иван Тимофеевич. – Ресурсы позволяют.

Когда Элеонора Рудольфовна, наконец, ретировалась, и взволнованные соседи рассосались, Римма Марковна решила долепить пельмени сама. А я сказала, что пошла учить геометрию и уединилась в своей комнате.

Там я достала из сумочки старую фотографию, где Лида Горшкова (хотя тогда она была, вроде, Скобелева) рядом с улыбающимся безусым юнцом.

Лида, Лида, кто ж ты такая?

Что за демонов ты скрываешь в своем прошлом?

Что это за паренек рядом с тобой?

Кто же ты, Лида?

И чем дольше я смотрела на эту странную фотографию, тем отчетливее понимала, что надо ехать в Красный Маяк...

Глава 9

– Ты прогуляла собрание! – голос Зои Смирновой зазвучал от негодования. – Почему ты не пришла вчера вечером, Лида? Ты же обещала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.